

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

JS
6062
.Z5
D76
1889a

B 928,764

766947
OP 28435
B

**This "O-P Book" is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography
by University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, 1967**

LIBÉRALISME ET ZEMSTVO EN RUSSIE.

Par M. Dragomanov.

ХРА 3919

ЛИБЕРАЛИЗМЪ И ЗЕМСТВО
Dragomanov, Mikhaïlo Petrovich
ВЪ РОССІИ

1. Земскій либерализмъ въ Россіи (1858—1883).
2. Самодержавіе, мѣстное самоуправленіе и независимый судъ.

М. ДРАГОМАНОВА.

(Отдѣльный оттискъ изъ 1-го № рѣ «Сводной Россіи»)

GENÈVE

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR.,

1889

JS
6062
Z5
D76
1889a

. 604151-406

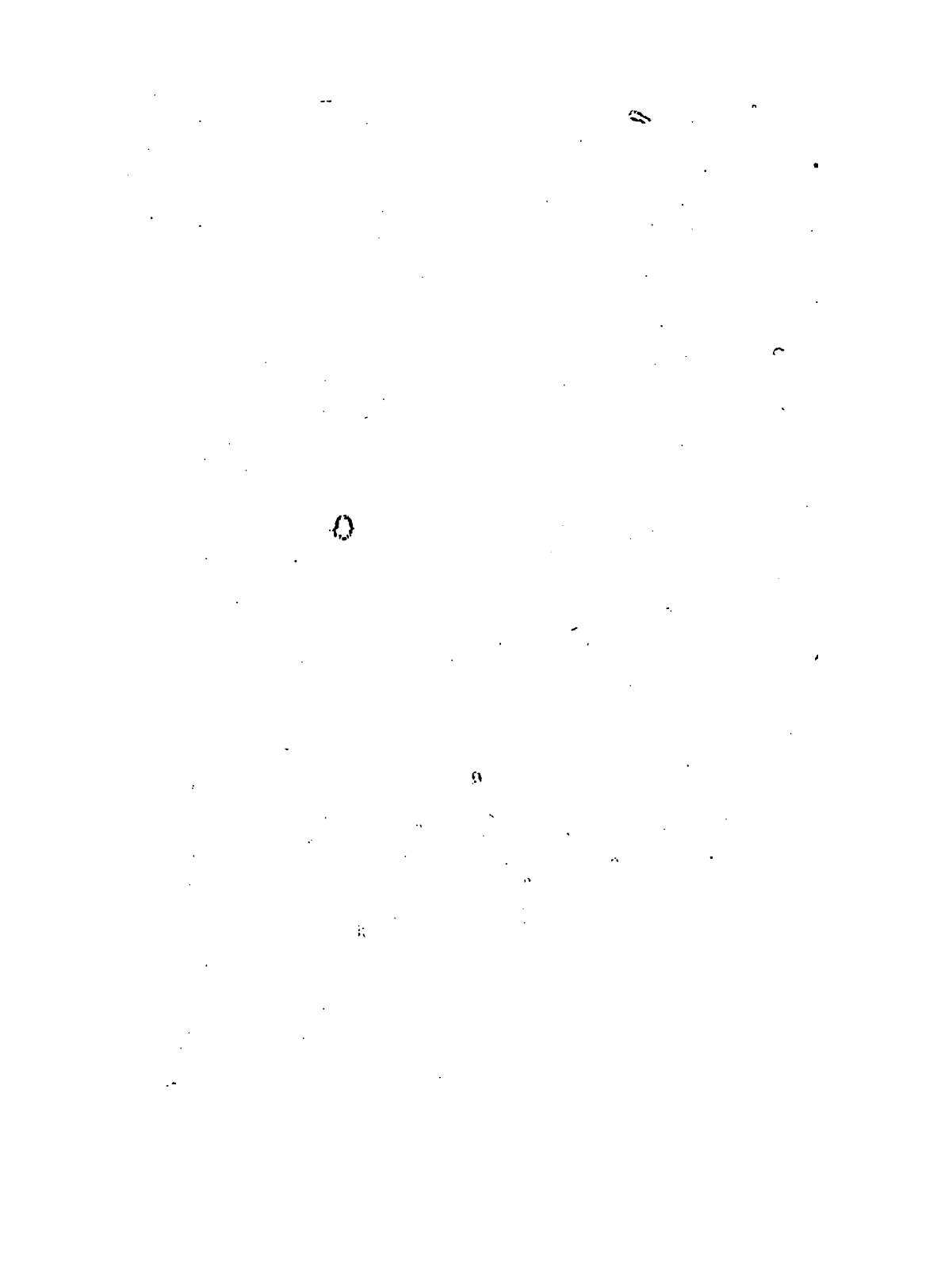
.

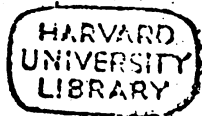
.

.

.

28 Jan 1954

Unrestricted fol.

Четъ исправленъ зримый
примечаніи А. П. Раговецкаго.

ЗЕМСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМЪ ВЪ РОССИИ

(1858 — 1883)

Реакціонеры въ Россіи не скрываютъ теперь желанія возвратить ее всецѣло къ порядкамъ, которые существовали въ ней при Николаѣ I. Не будь опасности, что такая Реставрація увеличится и концомъ николаевскаго царствованія, т. е. новымъ севастопольскимъ разгромомъ, который теперь поведетъ за собою, кромѣ всего прочаго, страшное объединеніе Россіи, можно было бы даже пожелать осуществленія этой Реставраціи. Тогда бы обнаружился передъ всѣми сколько-нибудь мыслящими людьми полнѣйшій разладъ между правленіемъ монархически-чиновническаго самодержавія и интересами и сознаніемъ населеній Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость кореннаго измѣненія этого правленія, а не однихъ только поправокъ въ немъ, введенныхъ въ первую половину царствованія Александра II.

Николаевскіе порядки были завершеніемъ самодержавнаго „уклада“ въ исторіи Россіи и уже въ свое время наглядно показали, — въ мирѣ и на войнѣ, — свою несостоятельность. Оттого, между прочимъ, именно съ николаевскаго времени начался вполнѣ органическій, непрерывный ростъ русскаго либерализма, который, чѣмъ дальше, становится изъ кружкового общественнымъ, изъ кабинетнаго — земскимъ. Обзоръ этого роста убеждаетъ, что мы имѣемъ въ немъ дѣло съ явленіемъ, которое развивается по законамъ исторіи и неизбежно должно достигнуть своего торжества и даже не въ очень отдаленномъ будущемъ.

Въ газетной статьѣ мы не можемъ вдаваться въ сколько-нибудь полное обзореніе исторіи русскаго либерализма, а бросимъ только бѣглый взглядъ на крупнѣйшія его заявленія по смерти Николая I и при этомъ почти исключительно

на тѣ, какія исходили вовсе не отъ людей, которыхъ бы можно было назвать теоретиками, но отъ практиковъ и при томъ отъ цѣлыхъ ихъ корпорацій. Другихъ заявленій и движеній мы будемъ касаться только мимоходомъ для отгѣненія сущности этого земскаго движенія.

При Николаѣ I изъ всѣхъ сословій сколько-нибудь организованнымъ и образованнымъ было одно дворянство. Настроеніе умовъ въ болѣе образованной части дворянства подъ конецъ правленія Николая I очень хорошо охарактеризовано въ Запискахъ А. П. Кошелева (1812—1883), гдѣ между прочимъ читаемъ: „20 ф. 1855 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ Николая Павловича и о восшествіи на престолъ Имп. Александра II. Это извѣстіе не многихъ огорчило: ибо не легко было для Россіи только что закончившаея тридцатилѣтнее царствованіе, но особенно удумавшою оно было съ 1818 г. Тутъ подысканности и своеволью администраціи не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ послѣ присяги Хомяковъ, Пв. Карженскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ, и мы съ надеждами выжили за здоровье новаго императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей Земской Думы“. (Стр. 82).

Конечно, кружокъ Кошелева, состоявшій изъ самыхъ образованныхъ людей дворянства, шелъ дальше другихъ, хотя и совершенно логически, отираясь отъ факта: „своеволью администраціи“. Но фактъ этотъ чувствовался всеми, а потому сознаніе необходимости реформы администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи и суда, и внесенія въ дѣла публичнаго общественнаго контроля, хотя бы въ видѣ гласности (свободы печати), стало уже и въ то время довольно широко распространено. Сначала оно выражалось въ сочувствіи къ публикаціямъ Герцена, которыя тогда читались на расхватъ, и въ сообщеніи ему для печати накончившейся въ послѣдніе годы царств. Николая рукописной литературы („Голоса изъ Россіи“) и обличительныхъ корреспонденцій въ „Колоколъ“ (съ 1857 г.)*) Съ 1858 г.

*) Программу самаго „Колокола“ Герценъ опредѣляетъ въ 1858 г. такъ: освобожденіе крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ, — отмена предварительной цензуры, — таиннаго слѣдствія

требованія реформъ въ отмѣченномъ направленіи стали заявляться въ коллективныхъ обращеніяхъ дворянскихъ собраній къ государю. Изъ такихъ обращеній наиболее определеннымъ былъ адресъ дворянства Владимірской губ., представленный въ Январѣ 1860 г. После вступленія, жѣтко характеризующаго управление Россіи, съ указаніемъ „на безгласность дѣлопроизводства и безответственность должностныхъ лицъ“, Владимірскіе дворяне представили слѣдующую программу реформъ:

I. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II. Управление общее для всехъ сословій.

III. Хозяйственно-распорядительное Управление для всехъ сословій и ответственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правительствомъ избранія.

IV. Полицейское управление правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона *).

V. Руководимое только закономъ, гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный по совѣти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI. Непосредственная ответственность всехъ и каждаго передъ судомъ.

VII. Ответственность личная всехъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписаніе своихъ начальствъ.

VIII. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита **).

Въ томъ же 1860 г. почти того же просили и дворянства губ. Нижегородской и Ярославской; въ 1861 г. подобный Владимірскому адресъ представило и Харьковское дворянство, а еще въ 1859 г. пять депутатовъ разныхъ гу-

(III отдѣленія) и безгласнаго суда, — отъѣхавъ тѣлесныхъ наказаній (См. письмо къ франкфуртскому сенату; ср. письмо къ Александру II, которое уже въ 1856 г. ходило въ Россіи въ рукописяхъ).

*) Пунктъ этотъ отрицать III-е отдѣленіе, административную сенату и т. п.

**) Что разумѣется тогда подъ этими, не совсѣмъ ясными словами VIII пункта, будетъ понятно, если мы приведемъ мѣсто изъ постановленія тверскаго дворянства 1862 г.: «для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразованіе финансово-административной системы управления въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не произвола . . . б) введеніе полной гласности во всехъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управления.»

берній въ редакц. ком. по крестьянскому дѣлу просили крокъ того — какъ потомъ и Ярославскіе дворяне — „о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій“⁴. С.Петербургское дворянство просило о „мѣстномъ саморуправленіи“⁵. (О томъ же просило въ 1862 г. дворянства Воронежское и Московское). Такого рода ходатайства появились съ 1858 г. не смотря на то, что правительство находило ихъ „не своевременными, неумѣстными“ и т. п. и дѣлало выговоры предводителямъ дворянства и главнымъ ораторамъ собраний.

Въ некоторыхъ собраніяхъ 1859—60 гг. (напр., особенно въ Орловскихъ) были дѣлаемы заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства“, о „правѣ русской земли имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти“, пропозисилось даже слово „конституція“, но такъ какъ эти заявленія исходили отъ людей партій аристократической (по тогдашнему „кѣрвостниковъ“), то часть дворянства съ болѣе демократическими идеями (по тогдашнему „либералы“ и даже „красные“) не поддерживали ихъ, надѣясь, что вполнѣ самодержавная власть, не стѣняемая „дворянскимъ парламентомъ“ проведетъ дѣло эмансипаціи выгоднѣе для крестьянъ⁶.

⁴ Болѣе подробно обзорили мы это движеніе 1858—60 гг. въ статьяхъ „Толците и отвергнется“ въ 56 и 57 №№ „Вольнаго Слова“. Также перепечатанъ и весь Владимірскій адресъ, доставленный въ „Бюрокодь“ П. С. Аксаковымъ, либеральнаго письма котораго къ Герцену см. въ № 60 „В. Слова“. Документы изъ этого движенія см. въ П. г. „Матер. для ист. управленія крѣп. состоянія“ и пр. Берлинъ, 1861. Для характеристики настроенія „красныхъ“ интересно письмо Бакунина къ Герцену съ восторженною похвалою программѣ Муравьева Амурскаго: «1) Полное безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею 2) Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣмъ служебнымъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ, отъ малаго до великаго, 3) Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ, 4) Народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможной децентрализацией Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и парламентъ, а желѣзная диктатура (варьянтъ въ другомъ письмѣ: „желаетъ... на первыхъ порахъ не конституція и не большаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры) въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ воссоединенной Польши, и борьбы на смерть съ Австріей и Турціей» (В. Слово, № 51, стр. 14). Интересно, что въ тоже время и сторон-

Когда, послѣ обнародованія Положенія 19 февр. 1861 г., эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и вдобавокъ отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе „красивые“ элементы изъ самой администраціи (какъ П. Милютинъ), то движеніе въ пользу „представительства“ стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 г. и въ цѣлыхъ адресахъ этихъ собраній въ Новгородѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери. Изъ адресовъ болѣе замѣчательный московскій, который профилъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа кр. земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проекта реформъ. (*Revue des deux Mondes*, 1862, 15 Juin, 793—798) Рѣше всѣхъ были постановленія и адресъ тверскаго дворянства отъ 2 февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (напр. уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа кр. земель) и „созванія выборныхъ всей земли русской, какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 Февраля“. (См. Колоколь, № 126).

Не смотря на административныя и судебныя наказанія, которымъ подверглись инициаторы тверскаго адреса, (впрочемъ, не прямо за адресъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности миров. посредниковъ) заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 г., въ которыхъ въ тоже время вырабатывались и проекты мѣстнаго самоуправленія *).

Идеи дворянскаго парламента осуждали централизацию и бюрократію и выражали опасеніе, что крестьяне, освобожденные отъ помѣщиковъ, попадутъ подъ неограниченную власть чиновниковъ.

* Вѣ это время конституціонное движеніе шло и среди «разночинцевъ» и выразилось здѣсь тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: «Великорусскъ» (съ Августа по Ноябрь 1861 г.: въ изданіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), «Земская Дума» (1862), «Земля и Воля» (1862—63), (Части» перепечатаны въ «Колоколь», въ бр. «Летучіе Листки», въ Гейдельбергѣ и журналѣ «Свободное Слово», въ Берлинѣ 1862 г.) Нущень былъ при «Великорусскѣ» и проектъ адреса, который долженъ быть представленъ государю, какъ говорилось многими, къ празднованію 1000 лѣтій Россіи въ Авг. 1862 г. Но въ этомъ раз-

Между тѣмъ въ западной половинѣ Пямерин шло движеніе нѣсколько иного рода: Польское национальное движеніе несомнѣнно имѣло въ себѣ значительную долю либерализма, даже большую, чѣмъ та, которая проявлялась въ русскомъ дворянствѣ, но, во-первыхъ, демократическое направленіе въ средѣ польскаго дворянства, какъ Царства Польскаго, такъ и Западныхъ губерній, было слабѣе, чѣмъ въ русскомъ (къ такому заключенію приводитъ сравненіе заявленій представителей разныхъ губерній въ редакціонныхъ комиссіяхъ по кр. дѣлу въ 1859—60 гг.), а, во-вторыхъ, образованные поляки всѣхъ направленій хотѣли не реформы Россіи, а отдѣленія отъ нея не только Ц. Польскаго, но и Западныхъ губерній. Только небольшая часть ихъ въ Царствѣ Польскомъ готова была удовлетвориться, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время восстановленіемъ конституціи 1815 г., переходомъ къ чему въ глазахъ самыхъ умеренныхъ должна была служить административная автономія Царства.

Национально-революціонное движеніе скоро обнаружилось два направленія: конституціонное и народническое; послѣднее относилось отрицательно къ конституціональному, да и ко всему «обществу» и возложило всѣ надежды на «народъ» (особенно на раскольниковъ) и «молодежь» («Опытъ Велико-руссе» въ Колодѣ, 15 Сент. 1861 г. Михайлова; къ Молодому Поколенію — его же, явилась въ Петербургѣ въ Сент. 1861 г. «Молодая Россія» въ Июль 1862 г.). При этомъ болѣе умеренные, какъ Михайлова, говорили: «за конституцію стало бы, вѣроятно, все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь». «Молодая же Россія» предлагала чуть не поголовное набіеніе высшихъ классовъ. Но такъ какъ въ этихъ только классахъ и существовало тогда либеральное движеніе, то направленіе М. Р. шло собственно совсѣмъ наперекъ ему. М. Р. назвала и Герцена и «Велико-русса» отсталыми: къ тому же она, хотя и обѣщала въ будущемъ русскую федеральную республику, но въ настоящемъ предполагала «диктатуру рев. партіи и сохраненіе теперешней централизаціи». Т. о. «Мол. Россія» вносила существенное раздѣленіе въ самое революціонное движеніе, тогда федеративное. Появившись одновременно съ петерб. пожарами, М. Р. послужила поводомъ къ притит. реакціи и въ тоже время къ раздѣленію въ либеральномъ движеніи, отъ котораго стала отдѣляться катковская фракція, еще недавно выражавшая сочувствіе идѣямъ тверскаго адреса. (Ср. «Русскій Лѣстникъ» 1862 Мартъ, 451 слѣд. и Июль, 848 и слѣд. а также въ «Колоколѣ», «Молодая и Старая Россія», «Журналисты и Террористы», № 139 и слѣд.).

Не мѣшаетъ отмѣтить, что П. Г. Чернышевскій, который у послѣдующихъ декабристовъ получилъ репутацію социалиста-революціонера

Конституціонныя требованія ясно были заявлены въ адресѣ, поданномъ многими вліятельными поляками въ Варшавѣ 28 ф. 1861 г. Въ немъ упоминалось о «вѣковой привычкѣ поляковъ къ свободнымъ учреждениямъ» и оплакивалось современное «отсутствіе въ краѣ всякаго легальнаго органа, путемъ котораго народъ могъ бы непосредственно говорить къ трону и заявлять свои желанія и нужды». Но въ этомъ адресѣ поляки были обособлены отъ другихъ народовъ имперіи, фразою, что «въ семьѣ народовъ европейскіхъ только одинъ — польскій народъ лишенъ свободныхъ учреждений». Въ отвѣтъ на этотъ адресъ правительство установило въ Ц. П. выборные советы городскіе, уѣздные и губернскіе, но польскіе либералы не удовольствовались такими уступками. — и въ сентябрѣ 1862 г. тѣ же лица вручили гр. А. Замоѣскому адресъ, за 300 подписями, въ которомъ упоминалось, что избиратели установленныхъ послѣ перваго ихъ адреса уѣздныхъ и городскіхъ советовъ предлагали подать намѣстнику заявленіе съ 20.000 подписями о томъ, что «столько представительство, вышедшее изъ выборовъ, при гласности обсужденія дѣлъ (przy jawnej dyskusiji) можетъ выразить нужды края». — но что военное положеніе остановило это

(хотя дѣйстви сильное отношеніе его къ петербургскому революц. движенію 1861—1862 гг. осталось не выясненнымъ) и противника конституціонализма (главнымъ образомъ на основаніи его статей о Франціи), въ «Письмахъ безъ адреса», изданныхъ подъ его именемъ въ 1874 г., но писанныхъ въ 1862 г., выражалъ полное сочувствіе либеральному движенію въ дворянствѣ.

Герценъ и его друзья занимали двойственное положеніе: они поддерживали либеральное движеніе въ двор. собраніяхъ и даже составили свой проектъ адреса о конституціи, но въ то же время раздѣляли народническія нѣвѣркіи, поддѣляли ихъ своего рода социалистически-славянофильскою философіею исторіи («Начала и концы» и др. въ «Колоколѣ» 1862 г.). По этому поводу Н. С. Тургеневъ писалъ одному изъ собратей подписей для упомянутаго адреса: «Главное наше разногласіе съ Огаревымъ и Герценомъ, а также съ Бакунинимъ, состоитъ именно въ томъ, что они, презирая и чуть не топчя въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ революціонную или реформаторскія начала въ народѣ; на дѣлѣ это — совсѣмъ наоборотъ. Революція въ истинномъ и живомъ значеніи этого слова, — я бы могъ прибавить — въ самомъ широкомъ значеніи этого слова — существуетъ только въ меньшинствѣ образованнаго класса, — и этого достаточно для ея торжества, если ми только самихъ себя не трепать не будемъ.» (Пенд. письмо 8 окт. 1862 г.)

заявление. Адресанты поручали гр. Замойскому довести до сведения В. Ки. Намьетника, что они, «как поляки, только тогда будут поддерживать правительство, когда оно будет ихъ (nasze) польскимъ, и когда посредствомъ основнаго устава (Ustawą Zasadniczą) при свободныхъ учрежденіяхъ будутъ соединены все провинціи, составляющія ихъ (наше) отечество».

Вскорѣ за тѣмъ, 29 ноября, мнискіе дворяне подали адресъ, въ которомъ желали равенства всехъ сословій и неповѣданій, свободы совѣсти и учреждений, согласныхъ съ духомъ народа (польскаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія литовскихъ (собственно литовско-бѣлорусскихъ) губерній къ Польшѣ. Еще передъ тѣмъ, 1 октября дворянство Подольской губерніи пожаловалось на отсутствіе у общества органическихъ вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами, но болѣе всего настаивало на восстановленіи административнаго единства Польши, съ присоединеніемъ къ Ц. Польскому и Западныхъ губерній.

На первыхъ порахъ польское національно-либеральное движеніе давало новый толчекъ либерализму и въ остальной Россіи, но за тѣмъ сепаратическій характеръ польскаго движенія, особенно же отождествленіе съ Польшою и такъ наз. Западныхъ губерній, а за тѣмъ вмѣшательство въ польскій вопросъ иностранной дипломатіи, на которую тогда очень надѣлись польскіе патриоты, внесли разнь въ либеральное движеніе въ Россіи и способствовали его остановкѣ. Съ весны 1863 г. разныя корпораціи Восточной и Южной Россіи и даже Балтійскаго края начали подавать заявления въ пользу сохраненія цѣлости государства, при чемъ рѣдкіе изъ нихъ (напр., костромское дворянство) сочли тактичнымъ сдѣлать прямой намекъ на необходимость земскаго представительства. — большая же часть самыхъ либеральныхъ изъ этихъ заявленій ограничивалась общими словами о надеждахъ на непрерывное слѣдованіе правительства по пути реформъ. Надо замѣтить, что первоначально это адресное движеніе было направлено не столько противъ поляковъ, какъ національности, сколько противъ иностраннаго вмѣшательства и стремленій къ раздѣлу Россіи. Самарскій адресъ прямо говорилъ: Но въ самый разгаръ борьбы ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши серд-

ца... Мы сбережем для лучшаго времени сознание нашего племеннаго единства съ поляками». Этому лучшаго времени приходится ждать еще и теперь *).

Во всякомъ случаѣ въ 1863 г. либеральное движеніе было еще такъ сильно, что съ нимъ должно было считаться и правительство. Даже Катковъ, выступившій уже рѣзко и противъ русскаго революціоннаго и даже радикальнаго движенія, а также противъ польскаго сепаратизма, съ которымъ онъ сталъ уже связывать всякія автономныя движенія въ разныхъ племенахъ и областяхъ,—предлагалъ созваніе все-россійскаго земскаго собора, и какъ необходимо для блага

*) Ни въ виду въ настоящемъ очеркѣ преимущественно левскаго движенія, мы не можемъ останавливаться на отношеніи къ польскому вопросу тогдашнихъ русскихъ тайныхъ обществъ и эмиграціи, которому мы посвятили особую книжку «Историческая Польша и Великорусская Демократія» (отд. оттискъ изъ «Вольнаго Слова» 1881 г.). Приведемъ здѣсь только выдержки изъ тогдашнихъ революціонныхъ листовъ въ Россіи, которыя относятся прямо къ вопросу о національномъ представительствѣ. Въ проектѣ адреса, предложеннаго «Великоруссамъ» говорилось: «Благоводите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русскаго родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русскаго нація, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоводите созвать представителей польскаго нація въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ». Въ какую націю зачислить и куда созывать представителей литвинновъ, белоруссовъ и малоруссовъ Западныхъ губерній, которыя польскіе патриоты считали частью Польши, члены «Великорусса» не опредѣляли. Въ 1863 г. въ прокламаціи «Земли и Воли» (4 февр.) сказано было: «Люди русскіе! заявимъ твердо, что мы желаемъ немедленнаго возстановленія Польскаго королевства съ добровольнымъ присоединеніемъ къ нему тѣхъ изъ Западныхъ губерній, гдѣ народъ большинствомъ самъ этого требуетъ. Конечно, не одно дворянство, какъ это было въ Мишской и Подольской губерніи. Заявимъ наше нежеланіе европейской войны, не соглашавсь помогать правительству въ превращеніи польскаго возстанія. Совершивъ такое дѣло мы уже съ чистымъ сердцемъ и свѣтлою совѣстью будемъ въ состояніи приступить къ соединенію нашему въ Земскій Соборъ отъ всей земли русскаго, для обсужденія нашего главнаго дѣла: объ нашей землѣ и волѣ». И тутъ остался пробѣломъ при каковой администраціи.— Польскаго ли королевства, или Россійскаго имперіи, производилось бы народное голосованіе въ Западныхъ губерніяхъ, если бы уже до этого могло дойти такъ безъ европейской войны, подобно тому какъ передъ тѣмъ было въ Савѣ и Нишѣ, которая сначала, съ согласія сардинскаго правительства, Наполеонъ III занялъ своими войсками, а потомъ провозгласилъ и голосованіе? На такую проблему основала свою силу катковщина Р. В. 1863 г. № 1. «Польскій Вопросъ» а потомъ и остроты реакціи воеводу, и польскому, и русскому либерализму, особенно когда крестьяне украинскіе, да и белорусскіе, по своему голосовали противъ Польши

страны «организацию общественного мнѣнія», и даже какъ лучшее средство остановить польское сепаративное движеніе («Русскій Вѣстникъ» 1863 г. Мартъ, «Что намъ дѣлать съ Польшею?» *). Само правительство не рѣшилось отвѣтить отрицаніемъ на либеральныя требованія ни въ Ц. Польскомъ, ни въ остальной Россіи **). Въ манифестѣ къ полякамъ отъ 12 апрѣля 1863 г. оно указывало на установленные уже въ Ц. Польскомъ совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе и обѣщало «открыть новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія». Сохраняя и теперь эти учрежденія, говорилъ дальше царскій манифестъ, мы предоставляемъ себѣ, если оны выдержатъ испытанія практикы, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, согласно потребностямъ времени и страны.

17 апрѣля, принимая разныя депутации, которые представили адреса противъ вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ, имп. Александръ II, который прежде выражалъ явное неудовольствіе при видѣ разсужденій дв. собраній о реформахъ, теперь какъ бы шелъ на встрѣчу этимъ разсужденіямъ, хотя и оговаривался на счетъ времени и порядка ихъ осуществленія :

— Я вѣрю вашимъ заявленіямъ преданности, говорилъ императоръ, повѣрьте и вы мнѣ, что вся моя жизнь имѣетъ только одну цѣль: благо нашего отечества и развитіе его гражданской жизни. Но на этой трудной дорогѣ великая possibility не только не принесетъ пользы, а можетъ быть

* Недалеко передъ тѣмъ, когда въ 1862 г. правительство стало склоняться къ мысли установленія сейма въ Ц. Польскомъ, Катковъ высказалъ, что «въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ». (Совр. Дѣл. 1862, № 26. Невѣднскій, «Катковъ и его время», 159—160). Въ такомъ же духѣ высказался и г. Платоновъ въ запискѣ «о необходимости Государственной Земельной Думы», представленной въ петерб. губ. дп. собран. въ началѣ 1862 г. (Своб. Слово, вып. 3, 189—190).

**) Изъ польскихъ требованій имп. Александръ II безусловно отвергалъ только присоединеніе Западныхъ губерній къ Польшѣ. Г. Ан. Держава Балье разсказываетъ, что, когда одинъ влиятельный польскій аристократъ (Замойскій?) сдѣлалъ объ этомъ намекъ, — то Александръ II отвѣтилъ ему: «М. г., вы знаете, что не я производилъ раздѣлы Польши, но вы не можете требовать отъ меня раздѣленія Россіи». (Un homme d'état russe, 196).

только вредна... Я надѣюсь на вашу общую помощь и содѣйствіе при важныхъ работахъ, которые намъ предстоятъ. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, до времени, когда я сочту его возможнымъ и полезнымъ *) .

Въ программѣ разговорѣ, который имѣлъ Александръ II въ августѣ 1863 г. съ Н. А. Милютинимъ, онъ выказался, что не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрнооцѣненнымъ русскимъ, а этихъ онъ еще не считалъ зрѣлыми для конституціи. Съ своей стороны Н. Милютинъ, будучи сторонникомъ конституціи, думалъ, что прежде пристуна къ реформамъ политическимъ, надо окончить реформы административныя, а чтобы воспитати страну вести свои дѣла, надо дать ей практику мѣстнаго самоуправленія. (См. Anatole Leroy Beaulieu. Un homme d'état russe. Nicolas Milutine, 168—169; писано по замѣткамъ самого Н. А. М.) Сентября 6 Александръ II открывалъ финляндскій сеймъ и сказалъ, что «въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ своимъ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Слова эти были приняты во всей Россіи за прямое обѣщаніе земскаго собора, а сопоставленіе ихъ съ манифестомъ 12 апрѣля заставляло ожидать мѣстныхъ выборныхъ учреждений, какъ перваго шага къ тому. Какъ и слѣдовало впрочемъ предвидѣть, царь, не побуждаемый болѣе энергической агитаціей, не далъ этого земскаго собора, но все же результатомъ агитаціи 1862—1863 гг. было ускореніе реформъ, которыя считались приготовленіемъ къ нему. Въ слѣдующемъ году были изданы Земское Положеніе и Судебные Уставы, а въ 1865 г. обнародованы были правила о печати, ослабившія цензуру и подавившія надежду, что печать будетъ въ скоромъ времени поставлена исключительно подъ контроль суда.

Открытіе въ 1865 г. земскихъ учреждений официальной журналъ «Сѣверная Почта» встрѣтилъ статью, въ которой прямо называлъ ихъ «школою» представительныхъ учреждений».

*) Мы не имѣемъ русскаго текста рѣчи, а переводимъ ее съ нѣмецкаго: Allg. Zeitung 1893 № 125. Beilage.

Школа эта затянулась очень долго. На то оказалось много причинъ. Во-первыхъ, время открытія земскихъ учрежденій оказалось неблагоприятнымъ для всякаго либерализма. Реакція польскому сепаратизму перешла незамѣтно въ общую реакцію, которую воспользовались сторонники николаевскихъ порядковъ. Что касается до западныхъ губерній, то, по крайней мѣрѣ, въ белорусскихъ и малорусскихъ ихъ частяхъ польское движеніе, которое здѣсь могло опираться только на панские слои, вызвало въ массахъ народа сильную монархическую реакцію, которую, конечно, правительство постаралось раздуть. Обозначившаяся необходимыми здѣсь, и по народнымъ, и по правительственнымъ соображеніямъ, аграрныя реформы стали осуществляться по совокупности всѣхъ наличныхъ условий, способомъ диктаторіальнымъ. Это обстоятельство было даже благовиднымъ резонансомъ, почему на Западныхъ губерніяхъ, какъ и на Ц. Польское, не были распространены земскія учрежденія, между тѣмъ какъ явное сепаратистическое настроеніе польскаго дворянства дало правительству резонъ прекратить здѣсь и дѣйствіе сословныхъ дворянскихъ собраній. Такимъ образомъ огромная полоса Европ. Россіи осталась безъ всякаго представительства, — а безъ нея и общенародное представительство являлось бы чѣмъ то оборваннымъ и ненормальнымъ.

Въ самихъ 35-ти губерніяхъ, въ которыхъ было введено всеобщія земства, вопросъ объ имперскомъ представительствѣ оказался еще преждевременнымъ, такъ какъ въ земствахъ едва сошлись вмѣстѣ все сословія и при томъ и такія, которыя до того не обсуждали еще публично не только имперскихъ, но и уѣздныхъ дѣлъ. Надо было время разнымъ сословіямъ «хоть оглядѣться». А пока всеобщія земства только парализировали политическія стремленія дворянскихъ собраній, которыя одни, по закону, имѣли право петицій прямо къ королю. Когда въ 1865 г. дворянство московской губ. подадо адресъ о созваніи общаго собранія людей отъ земли Русской для обсужденія нужды, общихъ всему государству (перепечатанъ въ 195 № «Колокола» изъ «Вѣсти» 14 янв. 1865 г.), то Александръ II отвѣтилъ отказомъ, а вслѣдъ за тѣмъ даже ограничилъ старое дворянское право ходатайства, заявивъ въ рескриптѣ мин. внут. дѣлъ, что сии одно сословіе не имѣеть права говорить именемъ другихъ

сословій и брать на себя починъ въ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ зависить исключительно отъ Верховной Власти».

И характеристично, что въ свое время этотъ отвѣтъ царя на дворянское конституціонное прошеніе даже не вызвалъ въ обществѣ неудовольствія, а шагъ московскаго дворянства былъ даже почти осмѣлянъ въ «Колоколѣ» въ статьѣ «Прививка конституціонной осы», гдѣ Герценъ чуть не сочувственно выразился: «Царь земщины отдался на первый случай удачѣ безземельнаго царя» *).

Не знаемъ съ точностію, можно ли утверждать прямую связь между двумя явленіями, но во всякомъ случаѣ интересно, что вслѣдъ за московскимъ прошеніемъ о земскомъ соборѣ появились новыя правила о печати (6 апр. 1865 г.), которыя все-таки представляютъ уступку либеральному движенію.

Съ тѣхъ поръ до самого конца 70-хъ годовъ ни одно дворянское собраніе не представляло уже прошеній о земскомъ соборѣ. Не представляли ихъ и земскія собранія, какъ по указаннымъ причинамъ, такъ и потому, что въ первое время даже среди передовыхъ людей изъ земцевъ,—которые тогда почти всецѣло принадлежали къ дворянскому классу, даже у тѣхъ, которые видѣли тѣсноту рамокъ, отведенныхъ правительствомъ земству, господствовало мнѣніе, что уже для самого приобрѣтенія довѣрія низшихъ классовъ, безъ согласія представителей которыхъ невозможно никакое политическое требованіе земствъ, --- необходимо сначала наполнить готовныя уже рамки полезнаго дѣятельностию, а потомъ уже поднимать рѣчь объ ихъ расширеніи.

Надо впрочемъ отмѣтить, что много парализовала политическое сознаніе въ земствахъ и теорія, которой держались московскіе славнофилы и самодѣльные русскіе Гисейсты,—будто мѣстное самоуправленіе можетъ существовать независимо отъ политической формы государства. Теорія

*) Судя по этой статьѣ Герцена, поводомъ къ адресу московскаго дворянства было опасеніе, чтобы назначеніе В. Ки. Константина Николаевича председателемъ госуд. совѣта не повело льготъ полякамъ. Намекъ на это опасеніе можно увидѣть въ словахъ адреса: «Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, внѣшніе и внутренніе враги замолчать, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы нахѣна не могла ни откуда проникнуть».—Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не добьетесь! замѣтилъ по этому поводу Герценъ.

эта вложена была и въ книгѣ кн. А. Васильчикова «Самоуправленіе», которая, благодаря своимъ многимъ достоинствамъ, пользовалась уваженіемъ у земцевъ. (Критику этой теоріи см. въ III т. соч. Градовскаго «Начала госуд. права»). Свою долю вліянія имѣло и старое описаніе «дворянскаго парламента», распространенное именно въ болѣе демократической части дворянства и литературы и продиктованное Кавелину еще въ 1861—62 г., во время тогдашняго либеральнаго движенія въ дворянскихъ собраніяхъ, его брошюру «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», въ которой вліятельный писатель совѣтовалъ дворянамъ, вмѣсто конституціонныхъ возжеланій, сойтись съ народомъ въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія. Впрочемъ въ 1865 г., при открытіи земства, самъ Кавелинъ писалъ своимъ роднымъ: «отъ успеха земскихъ учрежденій зависитъ вся наша будущность и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависеть, готовы ли мы къ конституціи и скоро ли мы ее получимъ... — но тутъ же порицаетъ конституціонную попытку московскаго дворянства, говоритъ: «выходки московскаго дворянства скорѣе отдалятъ насъ отъ этой цѣли, высказывая все наше малолѣтство и пошлость. Выказывая безнравную злобу и запаздывающее сожалѣніе о блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, дворянство московское только раздражаетъ противъ себя царя, всѣхъ людей, видящихъ дальше своего носа, и всѣ прочія сословія. Изъ Коломны крестьяне прислали по этому случаю адресъ государю. Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше». (Вѣстн. Евр. 1886, окт. 758—759). Большая часть легальныхъ демократовъ въ земствѣ и литературѣ смотрѣла тогда на конституціонализмъ и земство, какъ Васильчиковъ и Кавелинъ. — съ тою разницею, что изъ литераторовъ болѣе радикальные прощипировали даже и надъ земствомъ, какъ надъ барскимъ парламентаризмомъ въ муніципалитѣтѣ (см. Новый Паризъ. Щедринъ и др.).

Въ 60-е годы изъ земскихъ собраній только одно петербургское въ январѣ 1867 г. подошло было къ вопросу о земскомъ соборѣ, обсуждало послѣдствія финансоваго закона 21 ноября 1866 г., которымъ ограничивалось страннѣмъ образомъ право обложенія земствомъ промышленныхъ заведеній. Въ довольно рѣзкихъ рѣчахъ гр. Андр. Павл. Шуваловъ

подверг критикѣ, какъ законъ этотъ, такъ и способъ его разработки „канцеляріями“, и предложили просить объ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ этимъ закономъ, — „общими силами и совмѣстнымъ трудомъ, какъ административной власти, такъ и земства русскаго. Говорю: Земства Русскаго, сказалъ гр. Ш., потому, что вопросъ, разработанный отдѣльно, во разныхъ губернскихъ собраніяхъ, можетъ имѣть тотъ-же самый недостатокъ, т. е. быть односторонне разработанъ“. Въ собраніи предложено гр. Шувалова было смягчено (и затежено) такую формулировку: „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и Земства“. (Колоколь, 1867, № 338).

Правительство отвѣтило на это закрытіемъ петербургск. губ. земскихъ учреждений, а также высылкою нѣсколькихъ земель въ вост. г. и потомъ за-границу. — но выставивъ на видъ не столько самое постановленіе пет. земск. собр., сколько рѣшкое порицаніе имъ администраціи*). Другія земства не поддержали петербургскаго, хотя повсюду законъ 21 Ноября вызвалъ неудовольствіе: многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ. Мы слышали отъ передовыхъ земель мнѣніе, что имъ нельзя было втягивать необоръщившія еще учреждения въ открытую борьбу съ правительствомъ, особенно въ виду настроенія низшихъ классовъ, которые еще не сознали связи между чиновничествомъ и формой правленія. Съ своей стороны правительство не заявляло себя противникомъ постановленія петербургск. земства въ основѣ и даже въ его окончательной редакціи и не созывая, конечно, общаго собранія „Русскаго Земства“, изъявляло намереніе прибѣгать къ совѣтамъ отдѣльныхъ земскихъ собраній, напр., предложивъ имъ разработку вопроса о подушной подати въ 1870 году Земства очень усердно поработали надъ этимъ вопросомъ; нѣкоторые представили замѣчательные доклады по всему податному вопросу. — а правительство положило всю эту работу подъ сукно!

Очень медленнымъ опытомъ лучшие земли были приведены къ сознанію невозможности плодотворной дѣятельности въ мѣстныхъ учрежденияхъ безъ общей политической свободы. Оказалось, что тѣсныя рамки дѣятельности земскихъ

*) Пет. губ. з. управа предлагала обжаловать министра внутр. дѣлъ въ сенатѣ.

учрежденій еще болѣе стѣсняются опекою надъ ними бюрократіи, привыкшей къ произволу*). Вышее правитель-ство, уже послѣ первыхъ началъ земства, стало принимать рядъ ограниченій даже и тѣхъ правъ, какіе даны были Положеніемъ 1864 года (ограниченіе права обложенія налогами промышленныхъ доходовъ, губернаторская цензура извѣстій о земствѣ, расширеніе права председателей надъ предложеніями и рѣчами гласныхъ и т. п.) Кромя того оказалось, что земство не можетъ успешно дѣйствовать при данномъ устройствѣ административно-полицейскомъ, частная реформа котораго, сдѣланная правительствомъ (установленіе назначаемыхъ неправниковъ, вмѣсто прежнихъ избираемыхъ, хотя однимъ дворянствомъ) отняло у полиціи послѣднюю зависимость отъ населенія, надъ которымъ полиція окончательно надела грубѣйшимъ гнетомъ послѣ учрежденія (1878 г.) института урядниковъ⁷. Пеходившіе отъ самодержавнаго правительства новыя мѣры и законы шли совершенно въ разрѣзъ съ начинаніями земцевъ въ пользу населенія. Это надо сказать особенно о министерствѣ народнаго просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), которое вело ожесточенную войну съ земствомъ, и, наконецъ, организовало свою борьбу съ земскими школами Положеніемъ о школахъ и инспекціи 25-го Мая 1874 года, которымъ отменилось болѣе либеральное Положеніе 1864 года. Вообще же на каждомъ шагѣ обнаруживалось отсутствіе перваго условія общественной дѣятельности: правъ личныхъ, особенно неприкосновенности лица и свободы печати, которыя правительство все болѣе стѣняло съ 1866 г., расширяя административную ссылку и произвольную цензуру**).

* Подробнѣе въ брошюрѣ З. С. «Восемьнадцать лѣтъ борьбы чиновничества съ земствомъ» (Отд. оттискъ изъ «В. Словъ») и въ «В. Словѣ» же «Земская хроника, № 57 и 58: Работа и препятствія по народному образованію, № 59: Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ». Ростъ оживленія у дальновидѣвшихъ земцевъ необходимости общей земской думы можно прослѣдить по заграничнымъ брошюрамъ Кошелева, начиная съ «Наше положеніе» (1874) Ср. «Записки Кошелева», стр. 199 и слѣд. Итоги см. въ прекрасной запискѣ елисаветградскаго земства «О препятствіяхъ къ дѣятельности земства», въ «Вольн. Словѣ» № 55.

** Въ 1871 г. дано было положеніе о производствѣ дознаній по полицейскимъ дѣламъ жандармами съ участіемъ прокуратуры, а также о порядкѣ административной ссылки. Эти положенія освѣщали жандармско-

Въ довершеніе въ послѣднюю половину 70-хъ годовъ два явленія, одно изъ вѣтшией, а другое изъ внутренней политики, хотя и не входящія прямо въ оффиціальныи кругъ вѣдѣній земскихъ учреждений, чувствительно задѣли все население Россіи и должны были такъ или иначе откликнуться и въ земствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ вѣтшией политикѣ ходъ всемірной исторіи приблизилъ къ концу вопросъ о ликвидаціи Турціи, отъ рѣшенія котораго зависитъ важный для Россіи (особенно Южной) вопросъ о свободѣ выхода изъ Чернаго моря на міровыя морскія дороги. Съ 1875 г., съ начала герцеговинскаго волетанія, русское самодержавное правительство, которое съ 1863 г. осложнило свой деспотизмъ и централизацію еще политикою „обрусенія“ (обвеликорусенія) окраинъ*, — оказалось неспособнымъ справиться съ этимъ дѣломъ и на дипломатическомъ, и на военномъ полѣ, и въ отношеніяхъ съ народами балканскими и едва-едва одолѣло даже одинокуу на этотъ разъ Турцію. При этомъ ходъ войны, съ неспособностію вождей, воровствомъ и т. п. заставилъ русское общество пережить впечатлѣнія севастопольской войны и поставилъ передъ нимъ опять вопросъ о земскомъ соборѣ*).

поллицейскій произволъ, до тѣхъ поръ нѣтъшій въ законный, такъ сказать отеческій характеръ, и котораго отъѣна ожидалась со времени введенія судебной реформы. Въ 1872 г. дворянство московской губерніи ходатайствовало объ ограниченіи жандармскихъ арестовъ и административной ссылки, какъ противныхъ правамъ дворянства, и просило чтобы арестованному дворянину было предоставлено право, по истеченіи двухъ недѣль, требовать отданія его подъ судъ. Въ 1872 г. право запрещенія книгъ и журналовъ предоставлено не суду, а чиновникамъ, т. е. комитету министровъ, — и началось сожженіе журнальныхъ книжекъ. Около этого времени московская дума ходатайствовала о свободѣ печати, но объ этомъ ходатайствѣ мало извѣстно.

*) Связь между вѣтшией и внутренней политикою Россіи мы разбирали передъ войною, во время ея и тотчасъ послѣ въ статьѣ «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ» (въ газ. «Молва», которая была за нее запрещена на 8 мѣс.) и въ женевскихъ брошюрахъ: «Турки внутр. и вѣтшии» (1876), «Внутр. рабство и война за освобожденіе» (1877), «До чего доведетъ насъ?» (1878; перепечатана въ Петербургѣ, въ типографіи «Земли и Воля» подъ заглавіемъ «Выигрыши послѣдней войны»: въ концѣ ея мы сдѣлали обращеніе къ арміи, которая только что вынесла на себѣ послѣдствія существующей въ Россіи полит. системы). Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ мы изложили и политическую программу, прилегающую къ программѣ украинскихъ федералистовъ-наславистовъ 1847 г. (Кост-маръвъ, Шевченко и др.) Съ 1876 г., со времени вторичнаго и еще болѣе, чѣмъ съ 1863 г., жестокаго запрещенія

Внутри России сложилось къ 70-мъ годамъ, почти со-
всѣмъ соборомъ отъ земской работы, социально-революціонное
движеніе, какъ изъ западно-европейскаго социализма, такъ
и изъ туземнаго народничества, возмущенію «струя» кото-
раго еще въ 60-е годы помѣщики-поляки проваляли
хлопо- (мужико-) маніей. Оно приняло извѣстный,
«нигилистическій», характеръ именно вслѣдствіе отсутствія
въ Россіи политической свободы *). Правительство, котораго
агенты, въ родѣ гр. Петра А. Шувалова, сначала эксплуатиро-
вали первыя проявленія этого теченія, съ дѣлью реакціи
аристократической и бюрократической, совершило въ борьбѣ
съ социалитами столько фактовъ произвола и насилія (осо-
бенно съ 1874 года), что довело социалитовъ до отчаяннаго
протеста (вооруженное сопротивленіе при арестѣ кн.
Цицианова еще въ 1875 году, а потомъ рядъ ихъ, начиная
съ одесскаго 26 Января и кievскаго 28 Марта 1878 г.: по-
кушеніе на об.-полиц. Тренова 24 Января 1878 г., оправдан-
ное присяжными 31 Марта, покушеніе на товарища
прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ 23 Февраля и убіеніе
тамъ-же жанд. б. Гейкинга 25 мая 1878 г. при чемъ въ
первый разъ являютея прокламаціи, подписанныя «Несолн.
Комитетомъ р. с.-рев. партіи»).

Русское социалистическое движеніе 70-хъ годовъ примы-
каетъ, по своимъ политическимъ идеямъ, къ тѣмъ теченіямъ
въ 60-хъ годахъ, которыя относились отрицательно къ «ли-

украинской литературы въ Россіи, здѣсь не стало мѣста даже для болѣе
серьезныхъ, культурныхъ, стремленій украинскаго автономизма, а потому и
въ немъ должно было усилиться оппозиціонное политическое теченіе, чѣмъ
и объясняется поддержка, какую оказывали русскимъ оппозиціоннымъ
стремленіямъ украинифилы не только въ Россіи, но и въ Галиціи; см. дальше.

*) Интересно, что почти такое же мнѣніе было высказываемо въ 1862 г.
даже Катковымъ, слова котораго здѣсь не лишнимъ будетъ воспроизвести:
«Напрасны будутъ всякаго рода отрицательныя мѣры противъ этихъ отри-
цательныхъ явленій, — не только напрасны, но и вредны. Всякаго рода
стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ
съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою. Есть
только одно вѣрное радикальное средство противъ этихъ явленій, — усиле-
ніе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни. Чѣмъ богаче
будетъ развиваться жизнь во всѣхъ своихъ нормальныхъ интересахъ, во
всѣхъ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, религіозныхъ, умственныхъ,
политическихъ, экономическихъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣ-
ста для отрицательныхъ силъ общественной жизни». (Р. В. 1862. Іюль.
425—26, «о нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева»).

Въ довершеніе въ послѣднюю половину 70-хъ годовъ два явленія, одно изъ внѣшней, а другое изъ внутренней политики, хотя и не входящая прямо въ официальный кругъ видѣнія земскихъ учреждений, чувствительно заѣли все население Россіи и должны были такъ или иначе откликнуться и въ земствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ внѣшней политикѣ ходъ всемірной исторіи приблизилъ къ концу вопросъ о ликвидаціи Турціи, отъ рѣшенія котораго зависитъ важный для Россіи (особенно Южной) вопросъ о свободѣ выхода изъ Чернаго моря на міровія морскія дороги. Съ 1875 г., съ начала герцеговинскаго волстанія, русское самодержавное правительство, которое съ 1863 г. осложнило свой деспотизмъ и централизацию еще политикою «обрусенія» (обвеликорусенія) окраин^{*)}, — оказалось неспособнымъ справиться съ этимъ дѣломъ и на дипломатическомъ, и на военномъ полѣ, и въ отношеніяхъ съ народами Балканскими и едва-едва одолѣло даже одиноку^ю на этотъ разъ Турцію. При этомъ ходъ войны, съ неспособностію вождей, воровствомъ и т. п., заставилъ русское общество пережить впечатлѣнія севастопольской войны и поставилъ передъ нимъ опять вопросъ о земскомъ соборѣ^{*)}.

политическій произволъ, до тѣхъ поръ имѣвшій внѣзаконный, такъ сказать отеческій характеръ, и котораго отяѣна ожидалась со времени введенія судебной реформы. Въ 1872 г. дворянство московской губерніи ходатайствовало объ ограниченіи жандармскихъ арестовъ и административной силы, какъ противныхъ правамъ дворянства, и просило чтобы арестованному дворянину было предоставлено право, по истеченіи двухъ недѣль, требовать отданія его подъ судъ. Въ 1872 г. право запрещенія книгъ и журналовъ предоставлено не суду, а чиновникамъ, т. е. комитету министровъ, — и началось сожженіе журнальныхъ книжекъ. Около этого времени московская дума ходатайствовала о свободѣ печати, но объ этомъ ходатайствѣ мало извѣстно.

*) Связь между внѣшней и внутренней политикою Россіи мы разбирали передъ войною, во время ея и тотчасъ послѣ въ статьѣ «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ» (въ газ. «Молва», которая была за нее запрещена на 8 мѣс.) и въ жезъ-вскихъ брошюрахъ: «Турція внутрен. и внѣшн.» (1876), «Внутрен. рабство и война за освобожденіе» (1877), «До чего довели насъ?» (1878; перепечатана въ Петербургѣ, въ типографіи «Земли и Воля» подъ заглавіемъ «Выиграла послѣдней войны»; въ концѣ ея мы сдѣлали обращеніе къ арміи, которая только что вынесла на себѣ послѣдствія существующей въ Россіи полит. системы. Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ мы изложили и политическую программу, принимающую къ программѣ украинскіхъ федералистовъ-ванславистовъ 1847 г. (Костомаровъ, Шевченко и др.) Съ 1876 г., со времени вторичнаго и еще болѣе, чѣмъ съ 1833 г., жестокаго запрещенія

Внутри России сложилось къ 70-мъ годамъ, почти со-
всѣмъ сбюку отъ земской работы, социально-революціонное
движеніе, какъ изъ западно-европейскаго социализма, такъ
и изъ туземнаго народничества, югозападную струю кото-
раго еще въ 60-е годы помещики-поляки прозвали
хлопо- (мужико-) маніей. Оно приняло извѣстный,
нигилистическій, характеръ именно вследствие отсутствія
въ Россіи политической свободы *). Правительство, котораго
агенты, въ родѣ гр. Петра А. Шувалова, сначала эксплуатиро-
вали первыя проявленія этого теченія, съ цѣлью реакціи
аристократической и бюрократической, совершило въ борьбѣ
съ социалистами столько фактовъ произвола и насилия (осо-
бенно съ 1874 года), что довело социалистовъ до отчаяннаго
протеста (вооруженное сопротивленіе при арестѣ кн.
Цицианова еще въ 1875 году, а потомъ рядъ ихъ, начиная
съ одесскаго 26 Января и кіевскаго 28 Марта 1878 г.; по-
кушеніе на об.-помѣщ. Тренова 24 Января 1878 г., оправ-
данное присяжными 31 Марта, покушеніе на товарища
прокурора Котыревского въ Кіевѣ 23 Февраля и убіеніе
тамъ-же жанд. б. Рейкнига 25 мая 1878 г. при чемъ въ
первый разъ являются прокламаціи, подписанныя „Несопл.
Комитетомъ р. с.-рев. партіи“).

Русское социалистическое движеніе 70-хъ годовъ примы-
каетъ, по своимъ политическимъ идеямъ, къ тѣмъ теченіямъ
въ 60-хъ годахъ, которыя относились отрицательно къ „ли-

украинской литературы въ Россіи, здѣсь не стало мѣста даже для болѣе
скромныхъ, культурныхъ, стремленій украинскаго автономизма, а потому и
въ немъ должно было усилиться оппозиціонное политическое теченіе, чѣмъ
и объясняется поддержка, какую оказывали русскимъ оппозиціоннымъ
стремленіямъ украинифилы не только въ Россіи, но и въ Галиціи; см. дальше.

*) Интересно, что почти такое же мнѣніе было высказываемо въ 1862 г.
даже Катковомъ, слова котораго здѣсь не лишнимъ будетъ воспроизвести:
„Напрасны будутъ всякаго рода отрицательныя мѣры противъ этихъ отри-
цательныхъ явленій, — не только напрасны, но и вредны. Всякаго рода
стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ
съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою. Есть
только одно вѣрное радикальное средство противъ этихъ явленій, — усиле-
ніе во всехъ положительныхъ интересахъ общественной жизни. Чѣмъ богаче
будетъ развиваться жизнь во всехъ своихъ нормальныхъ интересахъ, во
всѣхъ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, религіозныхъ, умственныхъ,
политическихъ, экономическихъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣ-
ста для отрицательныхъ силъ общественной жизни.“ (Р. В. 1862, июль,
425—26, «О нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева»).

бераламъ“ и къ „конституціи“, которую часто называли „севрюжиной“; (фраза Щедрина о помѣщикѣ, который не знаетъ, чего хочетъ „не то конституціи, не то севрюжины“). Но постепенно жестокости полиціи привели и р. социалістовъ къ борьбѣ сначала съ агентами правительства, а потомъ со всюю его политической системою.

Такимъ образомъ совокупность опытовъ, которые сдѣлали разные элементы въ русскомъ обществѣ, въ ихъ соотношеніяхъ съ правительствомъ, привели, именно около 1878 года къ тому, что конституціонныя стремленія должны были вырваться наружу при первомъ удобномъ поводѣ. Поводъ этотъ дало обращеніе правительства къ обществу, по поводу убійства Мезенцева (4 авг. 1878 г.) и рѣчь императора въ Москвѣ (20 ноября) о необходимости «содѣйствія (общества), чтобы остановить заблуждающую молодежь на томъ пагубномъ пути, на который неблагонадежные люди стараются ее завлечь».

Теперь еще не выяснены побужденія Александра II къ такимъ обращеніямъ, но, кажется, онѣ находятся въ связи съ ролью, которую игралъ въ нашей внутренней политикѣ гр. Дм. Толстой. Помѣщенный реакціонной камарильей въ министры нар. просв. послѣ покушенія Каракозова въ 1866 г., гр. Дм. Толстой взялся уничтожить корни нигилизма — своей школьной системою; а между тѣмъ послѣ 10—12 лѣтъ ея дѣйствія нигилизмъ только усилился. Гр. Толстому и его партіи оставалось свалить передъ монархомъ грѣхъ на общество, на отцовъ, которые-де недостаточно поддерживаютъ правительство. Монархъ, — наивный, какъ всѣ самодержцы, которыхъ, по слову Мордвинова, министры — самихъ держать, — въ тепличной атмосферѣ, — и обратимся къ отцамъ. Эти отвѣтили критикою министерства народнаго просвѣщенія, да и всей системы управленія.

Пять земскихъ собраній (харьковское, полтавское, черниговское, — самарское и тверское), изъ которыхъ три представляютъ подъ рядъ лежація южныя губерніи, — рѣшили отвѣтить правительству болѣе или менѣе прямымъ заявленіемъ о необходимости земскаго собора. Изъ этихъ заявленій цѣлкомъ проникли въ печать три: харьковское, черниговское и тверское. Первое изъ нихъ изъявляло готовность бороться съ социализмомъ (для общественнаго порядка), соб-

ственность, семью и вѣру⁴⁾), но заявляло, что при теперешнемъ порядкѣ земскія силы не имѣютъ никакой организаціи: „Всемъ Государь! Дай твоему вѣрному народу право самоопредѣленія, которое соответствуетъ его природѣ: дай ему то, что ты далъ болгарамъ“. На сколько извѣстно по отрывкамъ, въ такомъ же родѣ былъ и полтавскій отвѣтъ, который изъявлялъ готовность „вырвать зло съ корнемъ и окончательно побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества“. — но только подъ условіемъ организаціи общественныхъ силъ въ правильное представительство^{*)}).

Черниговскій отвѣтъ былъ чисто отрицательнаго свойства. Заявивъ, что думать, будто „идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значить игнорировать исторію развитія и распространенія идеи“, — что причины зла заключаются 1) въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (системы гр. Дм. Толстого) 2) въ отсутствіи свободы слова и печати и 3) въ отсутствіи среди р. общества чувства законности (недѣлствіе разобщенности) черниговское земство „констатировало свое полное безеніе принять какія либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и доводило это до свѣденія правительства^{**)}).

^{*)} О неблагоприятности и недальновидности такой именно постановки вопроса о политическомъ представительствѣ мы говорили тотчасъ же послѣ того, какъ состоялись харьковскій и полтавскій отвѣты (Громада, т. IV, 260 и слѣд.) Но надо замѣтить, что фразы, въ родѣ „вырвать съ корнемъ зло“ слышались отъ земцевъ послѣ такихъ заявленій тогдашнихъ русскихъ соц. революціонеровъ, какъ, напр., прокламація, изданная именно послѣ убіенія ген. Мезенцева, въ которой было сказано, что социалисты не имѣли ввиду бороться съ монархіей, а хотѣли только „вырвать у буржуазіи капиталъ вмѣстѣ съ жизнью“, и вступили въ борьбу съ правительствомъ только потому, что оно само пошло противъ нихъ. — О странности такой постановки вопроса и о неизбежности для социалистовъ борьбы противъ всей системы самодержавія и неизбежно за извѣстныя политическія учрежденія, которыя могутъ быть, если не въ республикахъ, то въ конституціонныхъ монархіяхъ, — мы говорили тогда же. (Истор. Громади, 1878 № 1. Коли битись, то не миритись).

^{**)} Надо вспомнить, что Черниговское земство было одно изъ самыхъ дѣятельныхъ въ работѣ по народному образованію и выдержало упорную борьбу съ гр. Дм. Толстымъ за учительскую семинарію, которую министръ сначала вслѣдствіи не позволялъ открывать, а потомъ хотѣлъ взять ее въ

Тверскій отвѣтъ представляетъ, какъ бы продолженіе черниговскаго, — но превосходить его положительностию требованій, превосходя въ тоже время харьковскій адрессъ достоинствомъ. Къ сожалѣнію, онъ всего менѣе извѣстенъ публикѣ въ Россіи. Тверскіе земскіе гласные заявили, что „политическіе преступленія и убійства... суть только вишіе признаки общихъ глубокихъ недуговъ“, указывали на „пренитетвія“, какія встрѣчаетъ земство въ своей работѣ о школахъ со стороны министерства нар. просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), „на ненормальный строй въ учебныхъ заведеніяхъ“ (среднихъ) откуда массами выходитъ молодежь, недоучившаяся, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на „подозрительность и стѣсненія, при которыхъ невозможно спокойное занятіе наукою, и при которыхъ, напротивъ, развиваются недовольство и озлобленіе, неоднократно проявлявшіяся въ студенческихъ волненіяхъ. Не при этихъ условіяхъ можетъ развиваться въ средѣ молодежи уваженіе къ закону, столь необходимое для всякаго общества и столь слабо въ нашемъ обществѣ развитое. Блага просвѣщенія даются не одними только учебными заведеніями, но общественными учрежденіями, между которыми наиболѣе существенны самоуправленіе, самостоятельность личности, строго огражденной въ ея правахъ, независимый судъ и свободная печать“. Указавъ на начатки реформъ, которыя должны были создать въ Россіи подобныя условія „мирнаго, законнаго развитія народа“ и затѣмъ на административныя стѣсненія ихъ, — тверскіе земцы говорили въ концѣ: „Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига Болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда,

свои руки, что кончилось закрытіемъ ея. Это же земство ходатайствовало о допущеніи укр. языка въ начальное образованіе, противъ запрещенія 1876 г., въ изданіи котораго принималъ дѣятельное участіе опять таки гр. Дм. Толстой. Земства харьковское и полтавское обнаружили тоже украинское самосознаніе: первое въ 1878 г. праздновало юбилей Квитки и взяло на себя изданіе его сочиненій, а второе, немного спустя, назначило сумму на исправленіе и охрану могилы Шевченка даже въ чужой губерніи (Кіевской).

«свободу печати *). Земство тверской губернии съѣздъ надѣялся, что Русскій народъ съ такою полною готовностію, съ такою беззаветною любовью къ своему Царю-Освободителю, несшей всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которые одні могутъ дать ему возможность видѣти, по слову Государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія».

Какъ ни малочисленны и сдержанны были эти заявленія, они произвели сильное дѣйствіе на общество, — въ которомъ усилились толки о земскомъ соборѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя и р. социальные революціонеры приняли, наконецъ, въ свою программу чистое политическія требованія, между прочимъ и «постоянное народное представительство» (**). Активная борьба съ самодержавіемъ, въ которую вступила новая револ. группа «народовольцевъ», рѣчи ихъ товарищей на процессахъ несомнѣнно оживили либеральныя стремленія и во всемъ обществѣ, не смотря на то, что формы этой борьбы,

*) На указаніи харьковскаго и тверскаго земства на болгарскую конституцію видно еще разъ, какъ тѣсно связана внутренняя и внѣшняя политика Россіи. — какъ война 1877 — 1878 должна была поднять либеральное движеніе въ Россіи, а въ тоже время указаніе русскихъ либераловъ на Болгарію должно было заставить русск. правительство поддержать противоконституціонныя попытки въ Болгаріи, отчего произошли всѣ дальнѣйшія событія въ этой странѣ, которыя и теперь уже столько стоятъ Россіи.

**) Лицевскій съѣздъ, на которомъ правильно сложился «Цеп. Комитетъ» (III-II) и впервые ясно поставлена была политическая программа къ средѣ повѣвшихъ русск. социалстовъ, отбылся 17—21 іюня 1879 г.; 1 № «Нар. Воли» вышелъ 7 окт. 1879. Этому повороту предшествовали цѣлый рядъ вооруженныхъ сопротивленій, преимущественно въ Кіевѣ, учрежденіе ген. губернаторствъ и почти осаднаго положенія по всей Россіи, вслѣдствіе покушенія Соловьева, относительно цѣлесообразности котораго существовало раздѣленіе въ средѣ петербургскихъ революціонеровъ-народниковъ, и за тѣмъ рядъ смертныхъ казней въ Петербургѣ и Кіевѣ. Любопытно, что, по показанію биографа Желябова, не только «терроръ», т. е. систематическій отвѣтъ убійствомъ на преслѣдованія правительства, — «гораздо болѣе созданіе юга, чѣмъ сѣвера», но и принятіе на Лицевскомъ съѣздѣ политической программы, требовавшей учрежденій, при отсутствіи которыхъ никакая дѣятельность не возможна», — было поддерживаемо преимущественно «южанами» (А. П. Желябовъ, 16—23). Обстоятельство это какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что въ это время либеральныя политическія стремленія проявились съ наибольшею силою въ южныхъ же земствахъ и что въ заграничной печати политическая либеральная программа ставилась прямо въ украинскихъ публикаціяхъ. Югъ же Россіи былъ ближе и къ театру войны 1876—78 и потому видѣлъ отчетливѣе общее безобразіе господствующей въ Россіи политической системы.

особенно направлѣніе ударовъ прямо на царя, не всѣми оправдывались, а угрозы уцѣлѣвшихъ послѣ 1 Марта 1881 г. членовъ „Исполнительнаго Комитета“ и новому царю убійствомъ же, если онъ не созываетъ народнаго собранія, были, по меньшей мѣрѣ, нетактичны и преждевременны, и въ личномъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ тоже время и идейная постановка политическаго вопроса „народовольцами“ была часто неудачна. — начиная отъ самаго имени „партии Народной Воли“ (*voluntas*, а не *libertas*) которое, какъ многое другое въ заявленіяхъ партіи, очевидно вышло изъ компромисса новыхъ либеральныхъ стремлений со старымъ народничествомъ. Въ частности письмо „Исполн. Комитета къ Александру III“, замыкавшее первый періодъ въ дѣятельности народовольцевъ и открывавшее второй, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо менѣе удачный, было, по своимъ политическимъ идеямъ, даже шагомъ назадъ, сравнительно съ тѣмъ, до чего уже было додумались „террористы“ въ 1879 г., — такъ какъ въ письмѣ этомъ такія основныя права человека и гражданина, какъ свобода печати, слова, сходокъ, требовались только „въ видѣ временной мѣры, впродъ до рѣшенія Народнаго Собранія“, а о гарантіяхъ неприкосновенности личности безъ суда ни слова не говорилось и даже давалось за всю партію обѣщаніе „безусловно подчиниться рѣшенію Народнаго Собранія“ *). Но при тогдашнемъ настроеніи почти всего образованнаго слоя въ Россіи противъ самодержавія, на всѣ такіе недостатки постановки вопроса о политической

*) Что до гарантій личной неприкосновенности, то о нихъ не говорилось даже въ Программѣ Испол. Комитета, что тѣмъ болѣе странно, такъ какъ и вооруженныя сопротивленія (наиболѣе героическія дѣянія русск. социал. революціонеровъ) и весь «терроризмъ» возникъ на этой почвѣ, и на Липецкомъ съѣздѣ объ этомъ говорилъ Шелаповъ (см. биогр. брошюру о немъ, 23). По разсказу г. Тихомирова (*La Russie Politique et Sociale*, I изд. 281) одинъ изъ первыхъ важныхъ террористовъ, Панчевичъ, — смертельно раненный при вооруж. сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февр. 1879 г., — говорилъ ему въ 1878 г. «мы будемъ наказывать правительство за всякое его злодѣяніе: мы будемъ его терроризировать и заставимъ его признать права человека». — Чѣмъ объяснить эти пропуски и отклоненія въ Программѣ и Письмѣ Н. К.? Забычивостію ли, или компромиссомъ съ народничествомъ и якобинствомъ («захватъ власти»), которое всегда проявлялось въ журналѣ «Нар. Воля», а послѣ 1-го Марта 1881 г. и гибели болѣе либеральныхъ членовъ кружка взяло въ немъ верхъ?

свободѣ у народовольцевъ мало кто обращалъ вниманіе: каждый, вездѣ за многими изъ самихъ революціонеровъ, истолковывалъ и дополнялъ заявленія народовольцевъ по своему, въ болѣе или менѣ либеральномъ смыслѣ, — и «Письмо Печ. Ком. «Н. В.» къ Александру III» читалось на-расхватъ въ разныхъ слояхъ общества.

Таково было въ 1879—1881 гг. настроеніе значительной части русской «интеллигенціи», — хотя въ литературѣ (запрещенной и легальной) известныя фракціи «народниковъ» все еще считали умѣстнымъ воевать противъ «либерализма», какъ дѣла «буржуазнаго и дворянскаго», и бросать палки въ колеса освободительнаго движенія, думая, что онѣ тѣмъ служатъ «народнымъ» интересамъ. Что до сословныхъ и земскихъ собраній, то здѣсь, конечно, противуправительственное настроеніе было болѣе сдержанно, но и здѣсь, въ 1880—1881 гг. количество заявленій о созывѣ общаго представительства страны, а также о необходимости свободы печати и обезпеченія личной неприкосновенности, — правдѣ, совсѣмъ уже безцеремонно поправившихся правительствомъ, подѣ предлогомъ борьбы съ социалистами-революціонерами, значительно увеличилось*).

Но ростъ политическаго земскаго сознанія за предшествовавшіе годы всего характернѣе выразился въ отвѣтахъ, какія вышли отъ земскихъ собраній на предложеніе правительства отъ 20 Декабря 1880 г. высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учреждений подобно тому, какъ въ 1870 году земства призывались подать мнѣнія о подушной подати. Въ отвѣтахъ своихъ земства представили цѣлую систему преобразования не только частно крестьянскихъ учреждений, но всей системы мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія и заканчивали на этотъ разъ свои представленія просьбой, чтобы для окончательной выработки проекта административной реформы были созваны выборные отъ всѣхъ земствъ**).

* Важнѣйшія данныя сведены въ берлинской брошюрѣ 1883 г. — «Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи»; здѣсь упомянуты четырнадцать заявленій изъ этого времени, — и конечно, не всѣ. Интересно, что хотя нѣкоторые изъ этихъ заявленій говорятъ и объ «вырваніи съ корнемъ крамолы», то другіе говорятъ «объ умиротвореніи общества» посредствомъ свободы.

** См. въ «Водн. Словѣ»: Земскіе проекты въ № 52 и 53 и Земская

рядомъ съ стремленіемъ къ административно-политическому самоуправленію изъ земствъ выходили и проекты экономическихъ мѣръ въ пользу крестьянства.

Правительство опять, какъ въ 1862—63 гг., поставлено было въ необходимость, сдѣлать уступки общественному движенію: цензура была ослаблена и образована комиссия, которая должна была выработать проектъ закона о подчиненіи печати только суду: ненавистный молодежи, печати и земствамъ министр нар. пр. гр. Дм. Толстой былъ удаленъ; наконецъ, въ Февраль 1881 г. сталъ приготавливаться (при участіи и наследника) проектъ подобія земскаго собора, въ видѣ созыва представителей отъ земствъ и большихъ городовъ для подачи совѣщательнаго голоса по дѣламъ, которыя предложитъ имъ правительство *). Отсюда нельзя объяснить эти уступки только личнымъ характеромъ Александра II и гр. Лорисъ-Меликова, хотя, конечно, нельзя вовсе и отрицать доли значенія личностей въ такихъ дѣлахъ. Изъ записокъ Кошелева (стр. 218) видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ еще въ 1875 г. высказывалъ ему сочувствіе его брошюрѣ „Наше положеніе“. Но на него несомнѣнно должно было подѣйствовать пребываніе въ 1879 г. генерал-губернаторомъ въ Харьковѣ, въ краѣ, три губ. земства котораго подали извѣстныя заявленія. Гр. Лорисъ Меликовъ, человѣкъ, сравнительно съ нашими обыкновенными „помпадурями“ просвѣщенный и наблюдательный, въдобавокъ, какъ провинціалъ, но былъ ослѣвленъ узостію взглядовъ и самокористіемъ петербургской сановной бюрократіи и потому долженъ былъ понять, что дальше противиться общественному со-

хроника: Административно-политическіе вопросы (между прочимъ и о созданіи новой земской единицы, области) въ № 60—62.

*). Такъ опредѣляетъ составъ и задачу этого собранія г. Anatole Leroy Beauclieu, *L'Empire des Tsars et les Russes*, II, 598 и слѣд. — «со словъ одного министра того времени». Ср. показанія кн. Юрьевской, нѣсколько спутанныя, въ книгѣ г. V. Laferte, *Alexandre II. Details inédits sur sa vie intime et sa mort*, 1882, 24—25 и слова Кошелева дальше. Поразкажу пр. W. Muller *Politische Geschichte der Gegenwart*, XV, 208) раскрыть Александру II на имя гр. Л. М. былъ подписанъ 25 февр. (ст. ст.) и говорилъ объ усиленіи государственнаго совѣта уполномоченными отъ дворянскихъ собраній, земствъ и городовъ. Нѣкоторые (С. В. Солов.), 1882, № 41) увѣряютъ, что подобный проектъ былъ представленъ еще въ концѣ 1879 г. В. кн. Константиномъ Ник. и гр. Валуйскимъ, но тогда былъ признанъ несвоевременнымъ.

знанію было, если еще не непосредственно опасно, то очень неблагоприятно и для монархій*).

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ коснуться довольно распространенаго за границей и въ Россіи мнѣнія о томъ, что не случись убіеніе Александра II, политика гр. Л. Меликова довела бы Россію до политической свободы. Не знаемъ, каковы собственно были намѣренія самаго гр. Л. Меликова. На этотъ счетъ въ запискахъ Кошелева сказано только слѣдующее: „Отъ него (гр. Л. М.) узналъ я много интереснаго. На созваніе земской думы онъ никакъ не надеялся получить соизволеніе Государя; но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ. Неоднократно мы объ этомъ толковали, и если не во всемъ соглашались, то, по крайней мѣрѣ, я вынесъ изъ этихъ разговоровъ убѣжденіе, что мнѣ, внутр. дѣлъ расположенъ сдѣлать все возможное для оживленія и утвержденія земскихъ учреждений“ (стр. 253). Изъ этихъ строкъ, равно какъ изъ извѣстнаго разговора гр. Л. Меликова съ петербургскими редакторами, въ которомъ онъ показывалъ перспективу пятилѣтняго срока для однихъ второстепенныхъ переѣмъ, — видно, что онъ рассчитывалъ тянуть дѣло долго, между тѣмъ какъ положеніе дѣлъ, — самая, если хотите, нер-

*) Учрежденіе послѣ покушенія Соловьева чистыхъ саатраій, въ видѣ вр. генер. губернаторствъ (5 апр. 1879) съ ихъ стѣснительными мѣрами, съ казнями, которыя иногда даже трудно было мотивировать (какъ, напр., въ-которыхъ Чертковскихъ казни въ Кіевѣ), и массовыми ссылками въ Новоросію, въ которыхъ, впрочемъ, говорятъ, самъ гр. Толстенькій казался, сваливая вину на г. Панютина, — все это подняло общественное сочувствіе къ револ. террористамъ и къ самому царубіиству, даже у людей, всего менѣе расположенъ на индигностъ, даже у такихъ, которые рѣшительно не одобряли покушенія Соловьева. Мы могли бы сообщить нѣсколько характерныхъ случаевъ въ подтвержденіе этого показанія. Несчастный Александръ II самъ осуждалъ себя на смерть, не понявъ урока, даннаго ему присяжными, оправдавшими г-жу В. Засуличъ; отождествивъ самъ себя съ Треповымъ, Мезенцевымъ, и потомъ воплотившись въ Чертковыхъ и т. п., — онъ сталъ ненавистенъ социалистамъ и по меньшей мѣрѣ противенъ значительной части русскаго общества ко времени варывовъ на Моск. курсъ, ж. добогъ 19 ноября 1879 г.) и въ Зимнеж дворцѣ (5 февр. 1880 г.). Это довольно широко распространенное въ обществѣ сочувствіе къ царубіиству въ к. 1879 и началѣ 1880 гг. поддерживалось и слухами о иниматяхъ наследника къ земскому представительству, хотъ на Александровскій ладъ.

возность тогдашняго настроенія, (а для этой невозности было не мало причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ, начиная съ 1876 года)—все требовало скорыхъ рѣшеній. Въ другое время, при болѣе нормальномъ ходѣ дѣлъ, при государѣ гвердомъ, можно и даже, можетъ быть, должно бы было готовить страну къ земской думѣ посредствомъ „оживленія и утвержденія“ провинціальныхъ земствъ, или лучше очищенія ихъ отъ порчи, которую внесъ въ нихъ гнетъ самаго правительства. — но и въ такомъ случаѣ надо было прежде всего избавить земства отъ всѣхъ путей, наложенныхъ на нихъ съ 1866 г. А гр. Л. М. не сдѣлалъ и этого. Далѣе, при данныхъ условіяхъ, — при характерѣ Александрѣ II и петербургскаго бюрократическаго сановничества (тогъ и другое себя показали еще во время реформъ въ 60-ые годы) даже въ случаѣ созыва совѣщательной коммисіи, надо было ожидать колебаній и реакціи со стороны правительства и публици, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ какаѣ бы была послѣ торжественнаго созванія земской думы. Очевидно, гр. Л. М. не хотѣлъ или не могъ оказать достаточно сильнаго давленія на цари въ пользу этой думы, конечно, и потому, что „общество“ и „земство“ сами не достаточно давили на правительство. Въ тоже время гр. Л. М. оказалъ плохимъ психологомъ и въ другомъ направленіи: въ сторону революціонеровъ, не понимая, что именно гоненія противъ личностей ихъ и ихъ товарищей и ожесточили ихъ до систематическихъ усилій къ царевѣнству. Въместо того, чтобы смягчить положеніе политическихъ арестантовъ, если уже нельзя было дать полной амнистіи, гр. Л. М. еще усилилъ гнетъ надъ пол. каторжниками, въ противность даже представленіямъ начальника на р. Карѣ, г. Кононовича, который и долженъ былъ выйти въ отставку. Даже административную ссылку гр. Л. М. не только не отменилъ, но даже не ограничилъ, такъ какъ, возвративъ нѣсколько десятковъ сосланныхъ прежде, онъ выслалъ еще болѣе новыхъ. Въ довершеніе, гр. Л. М. не прекратилъ и смертныхъ казней и допустилъ даже такіа ни чѣмъ не мотивированна казни, какъ Роловскаго и Лозинскаго въ Кіевѣ. (О нихъ см. въ „Громадѣ“, V, Т. 87—88, 93). Быть можетъ, гр. Л. М. думала, показывая, что онъ „не шадитъ крайолы“, тѣмъ легче склонить монарха къ уступкамъ „благоразумному элементу“

общества. Можеть быть, и это было также тонко, как и медленные подходы к земской думѣ. Но.—гдѣ тонко, тамъ и рвется! Это должно сказать также о политикѣ гр. Л. М., какъ и о тогдашнемъ либеральномъ настроеніи общества и земства. Последнее сдѣлало достаточно, чтобы поставить вопросъ о свободѣ, но мало, чтобы дать ему безповоротное разрѣшеніе — при всякихъ случайностяхъ. Крупнѣйшія же изъ этихъ случайностей, а именно, возможность убіенія Александра II (или во всякомъ случаѣ новой къ тому попытки) а за тѣмъ неизбежность придворной реакціи, должны были быть предвидѣны людьми, которые желали быть серьезными политическими дѣятелями*)

Во всякомъ случаѣ даже послѣ смерти Александра II и паденія гр. Л. Мелникова новое правительство не поспѣло сразу пойти противъ общественнаго движенія, все-таки довольно широкаго. Даже отложивъ въ сторону проектъ о совѣщательной комиссіи, о которомъ однакожъ оно сначала допускало толки и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ,

*) Со сказаннымъ выше ср. то, что мы говорили тутъ же послѣ воззванія гр. Л. М. къ обществу (14 февр. 1880) въ брошюрѣ «Содовыя басныя не кормятъ» и скоро за тѣмъ въ другой «Терроризмъ и свобода, муравьи и корова», гдѣ мы, критикуя иллюзіи тѣхъ «террористовъ», которые думали добиться въ Россіи свободы безъ широкаго общественнаго движенія (Морозовъ «Террористическая борьба» въ то же время отвѣчали на странную статью «Голоса», — словно писанную по порученію гр. Л. М., — въ которой «Голосъ» обращался къ намъ лично, чтобы мы уговорили террористовъ не мѣшать муравьиной работѣ гр. Л. М. и его поклонниковъ. Интересно, что въ то же самое время и на совсѣмъ противоположномъ намъ концѣ общества скептическое отношеніе къ политикѣ гр. Л. М. выразилось въ приложеніи къ нему (говорятъ гр. П. Шуваловымъ, б. шефомъ III-го отдѣленія восточной басни о деревнѣ, который ездилъ ввучить царскаго осяда читать, но только въ 10-лѣтній срокъ, рассчитывая, что до тѣхъ поръ или царь, или оня, или осяда помереть. Изъ сопоставленій показанія кн. Юрьевской и г. Ан. Леруа больѣ выходить, будто указъ о совѣщательной комиссіи былъ подписанъ Александромъ II 1-го Марта 1881 г. и былъ обрѣзанъ гр. Л. М. съ тѣмъ, чтобы помѣститься въ печати на другой день, и будто, прибывъ послѣ убіенія Александра II-го въ 3. дворецъ, гр. Л. М. спросилъ Александра III, который принималъ участіе въ выработкѣ этого указа, — что дѣлать съ этимъ указомъ? — на что получалъ отвѣтъ: «не мѣняй ни въ чемъ приказанія моего отца; пусть это будетъ его завѣщаніемъ». Если это правда, то почему же гр. Л. М. не поспѣшилъ обнародовать уже набранный указъ, какъ это сдѣлать въ свое время Ланской съ рескриптами, отъ которыхъ безповоротнаго началось дѣло освобожденія крестьянъ?

оно все-таки предложило обществу земскихъ свидущихъ людей. Гр. Игнатьевъ отъ имени правительства торжественно заявилъ, что „земскіе свидущіе люди“ будутъ созываться и впредь, для того чтобы самыя жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ*^{*)}. Не смотря на то, что гр. Игнатьевъ призвалъ въ первую серію свидущихъ людей нѣкоторыхъ популярныхъ земцевъ, — въ томъ числѣ автора харьковскаго отвѣта 1879 года, — многія земскія собранія высказались, „что только вызовъ свидущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный (по выбору отъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ говорило новг. земство) можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпящая отлагательства реформы“. Положительно извѣстно, что въ такомъ родѣ успѣли высказаться двѣнадцать губ. земствъ: херсонское, полтавское, харьковское, бессарабское, смоленское, псковское, петербургское, новгородское, владимірское, костромское, казанское и кадужское. Въ самарскомъ — подобное предложеніе было остановлено председателемъ, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разѣхалось. Если къ этимъ 13 земствамъ присоединить еще черниговское, тверское и саратовское, въ которыхъ по другимъ новодамъ состоялись подобныя постановленія, а также таврическое, въ которомъ предложеніе о земскомъ соборѣ было отклонено 16 голосами противъ 10, при чемъ ораторъ противъ него (г. Щербанъ) находилъ его только несвоевременнымъ и безтакимъ точнось послѣ 1 Марта 1881 г. и просилъ оказать „кредитъ (общества правительству) не долгосрочный“, — то получимъ семнадцать (изъ 35) земскихъ губерній, которыя опредѣленно высказались за земскій соборъ**).

^{)} Передъ тѣмъ полт. предводитель дворянства, г. Устиновичъ, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 г., заявилъ открыто въ губ. двор. собраніи, что онъ получилъ отъ гр. Игнатьева положительное увѣреніе, что правительство призветъ представителей страны къ участию въ законодательной работѣ.

**^{*)} Изъ нелемскихъ губерній въ Балтійскихъ существуетъ сильный автономный и, конечно, либеральный духъ въ дворянствѣ и буржуазствѣ нѣмецкомъ, а въ Западныхъ провинціяхъ, — не говоря уже о Ц. Польскомъ, — въ польскомъ элементѣ, конечно, есть либеральныя идеи, но русское земское движеніе до сихъ поръ не находило

Къ земскимъ заявлениямъ слѣдуетъ прибавить заявления нѣкоторыхъ дворянскихъ собраний (петерб. и черниг.) и городскихъ думъ (череповецк., казанск.), а также рѣчь московскаго городского головы г. Чичерина на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году *).

Всѣхъ этихъ заявленій было еще мало, для того чтобы заставить правительство уступить, когда оно того рѣшительно не хотѣло, но было достаточно для того, чтобы поставить вопросъ ребромъ: или уступить требованіямъ земствъ, или же уничтожить и эти самыя земства. Совершенно естественно, что правительство попробовало послѣднее средство. Уже и прежде, подъ предлогомъ борьбы съ „крамолой“, правительствомъ распоряженіями 1879 г. и Положеніемъ о государственной охранѣ (1881 г.) поставило всѣ выборы земствъ и сословные, а также пренія въ собраніяхъ подъ произволь губернаторовъ, т. е. собственно полиціи. А, наконецъ, когда и это не помогло, „министръ борьбы“ гр. Дм. Толстой задумалъ уничтожить несословное земство своимъ проектомъ административной реформы. Говорятъ, что въ настоящій сезонъ, предетонитъ окончательное обсужденіе этого революціоннаго проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Мы назвали этотъ проектъ революціоннымъ совершенно безъ шутокъ. Онъ имѣетъ въ виду сдѣлать *tabula rasa* по всемъ земскимъ губерніямъ со всемъ, что было сдѣлано въ нихъ для благоустройства въ теченіе слишкомъ двадцати

поддержки, даже нравственной, этихъ перусскихъ элементовъ западной породы имперіи и даже мало имъ извѣстно. Въ то же время социальныи и національннй антагонизмъ, какой существуетъ въ этой породѣ между высшими и плебейскими классами, тянетъ послѣдніе къ императорской диктатурѣ. Если бы жизнь выработала формулы соглашенія между этими классами, а также между ихъ сознательными представителями и русскимъ земскимъ движеніемъ на началахъ болѣе или менѣе демократическихъ и либеральныхъ, съ сохраненіемъ государственнаго единства Россіи, но съ гарантіями для національностей и областного самоуправленія, — тогда борьба съ петерб. самоуправленіемъ пошла бы, конечно, успѣшнѣе.

* Сравнительная малочисленность либеральныхъ заявленій со стороны городскихъ думъ должна быть объяснена Городскимъ Положеніемъ 1870 г., которое почти совершенно устранило отъ участія въ муниципальныхъ дѣлахъ наиболѣе образованную часть населенія — квартирантовъ.

дѣтъ и кромѣ того отнять у Россіи всякую возможность законнаго перехода отъ одного строя вещей, признаннаго и недавнимъ правительствомъ и обществомъ ненормальнымъ, къ другому, которое общество совершенно отчетливо себѣ представляетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, что высказано было земскими представителями въ 1879—1883 гг. правительствомъ людей, сколько-нибудь просвѣщенныхъ и дальновидныхъ, не могло не принять иной программы, кромѣ приблизительно слѣдующей :

1) Устраненіе всѣхъ искаженій земскаго положенія, сдѣланныхъ послѣ 1865 г.

2) Созывъ делегаций отъ существующихъ земскихъ собраний, по крайней мѣрѣ, губернскихъ, для выработки проектовъ измѣненій въ земскомъ положеніи, указанныхъ практикою, а также проектовъ административной реформы, уже обсуждавшейся въ земствахъ, и для изложенія правительству дальнѣйшихъ нуждъ страны.

3) Распространеніе земскихъ учреждений на западную половину Имперіи *).

Рядомъ съ этимъ должно бы идти :

4) Огражденіе закономъ наиболее насущныхъ личныхъ правъ — какъ неприкосновенность лица безъ суда, свобода совѣсти, печати и прошеній (и уже для этого, сходокъ) — и наконецъ, какъ логическое послѣдствіе предыдущаго:

5) Амнистія политическимъ осужденнымъ и особенно возвращеніе правъ сосланнымъ административно.

При этихъ условіяхъ назрѣвшія нужды населеній Россіи были бы частію удовлетворены. — частію получили бы себѣ законныя пути для своихъ выраженій, — и внутреннее

*) При изданіи Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ 1864 года очевидно имѣлось въ виду скорое распространеніе ихъ на Зап. губерніи. — такъ какъ въ примѣчаніи къ Положенію «предоставляемъ, въ дѣлѣ, по отношенію съ мѣстными ген. губ. въ Запади губер. войти въ соображеніе о времени и способѣ введенія Пол. о земск. учрежденіяхъ въ губерніяхъ этихъ. Что до Царства Польскаго, то здѣсь дѣйствіе установленныхъ въ 1861 г. совѣтовъ приостановлено лишь по случаю вооруженнаго возстанія. Но со времени прекращенія польск. возстанія прошло уже 25 лѣтъ. — и тепрь имѣть ровно никакого резона лишать земскаго представительства обширную полосу государства.

развитіе Россіи стало бы на нормальную мирную дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнилось бы положеніе ея среди соединенныхъ народовъ, изъ которыхъ даже тѣ, какіе льнутъ къ ней, изъ страха разныхъ западныхъ поглотителей, боятся ея порядковъ и ихъ вліянія.

Но такъ какъ теперешнее правительство представляемое такимъ личнымъ врагомъ земства, какъ гр. Дм. Толстой, идетъ даже противъ такихъ минимальныхъ уступокъ земскому сознанию, то земскимъ людямъ ничего не остается, какъ возобновить натискъ на правительство въ томъ направленіи, въ какомъ онъ производился въ 1858—63 гг. а также въ 1879—83 гг. Но послѣ прежнихъ опытовъ и въ виду того, что теперь дѣло должно пойти о приобретеніи безповоротныхъ гарантій свободы личной и самоуправленія, этотъ натискъ долженъ быть гораздо рѣшительнѣе прежнихъ.

Если сравнить земскія заявленія 1879—83 гг. съ требованіями дворянскихъ собраній 1858—63 гг., то увидимъ несомнѣнный прогрессъ въ отчетливости и всесторонности сознанія сущности политической свободы, не говоря уже о широтѣ самого сознанія, которое теперь неходитъ отъ собраній всеобщихъ. Но въ энергіи заявленія этихъ требованій и даже въ организациі силъ не только для ихъ проведенія, но и для самой вѣнствительности ихъ заявленій, наши земскіе люди ушли очень еще не далеко. Такъ напр., послѣднія заявленія о необходимости земскаго собора сдѣланы были половиною губернскихъ земскихъ собраній и въ нѣсколькихъ дворянскихъ, но отрывочно, почти безъ повтореній, безъ солидарности даже между соединенными губерніями. Стыдно сказать, — большая часть этихъ заявленій, даже не напечатана, не говоря уже о томъ, что достаточно было губернаторскихъ распоряженій, чтобы многія изъ нихъ не были даже доложены собраніямъ. Съ 1878 г. было нѣсколько опытовъ створовъ и съѣздовъ съ цѣлью установленія извѣстной солидарности и опредѣленія способовъ давленія на правительство. Но во во всѣхъ этихъ опытахъ было мало энергіи и организациі и очень много вялости и распушенности.

Время еще не наступило для откровенной исторіи этихъ попытокъ, и мы бы вовсе даже не говорили о нихъ те-

перь, если бы въ печать уже не проникли нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, не совсѣмъ точныя. Наболѣе заслуживаетъ вниманія изъ этихъ свѣдѣній тѣ, которыя далъ американецъ г. Кеннанъ въ Century (1887 г., Nov.) и которыя теперь переводятся (съ № 105) въ „Общезъ Дѣлѣ“ подъ заглавіемъ „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“. Мы встрѣчаемъ здѣсь „Записку, поданную“ въ Мартѣ 1880 г. гр. Лорисъ Меликову 25-ю именитыхъ московскихъ гражданъ. — въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и пользующихся извѣстностію писателей и прочихъ представителей образованнаго класса“ (земцевъ? т. е. собственниковъ???) — и въ предисловіи къ ней разсказъ о либеральныхъ заявленіяхъ земскихъ собраній 1879 и о сношеніяхъ земскихъ либераловъ — „Либеральнаго комитета“, какъ говоритъ г. Кеннанъ, отъ котораго будто бы исходила инициатива этихъ заявленій, — съ террористами, съ цѣлью уговорить ихъ не препятствовать земскимъ опытамъ возвратити правительству на нутъ реформы.

Мы должны замѣтить, что въ разсказѣ г. Кеннана есть неопытности и неточности, и вся хронологія событій у него смѣтана. — Впрочемъ здѣсь только то, что съ социальными революціонерами, между которыми только что появились „террористы“, были въ 1878 г. въ Кіевѣ переговоры со стороны нѣкоторыхъ земцевъ, съ цѣлями, о которыхъ говоритъ г. К., — но только еще до убійства шефа жанд. Мезенцева (4 августа) и тотчасъ послѣ покушенія въ Кіевѣ на товар. прокур. Котляревскаго (23 февраля) и убійства жандармскаго офицера б. Гейкина (25 Мая). — фактовъ, по поводу которыхъ въ первый разъ явились прокламаціи, подписанныя „Исполн. Комитетомъ Р. С. Р. партіи“, который принималъ на себя эти дѣйствія. (Передъ тѣмъ покушеніе на об. полиціемъ Тренова 24 Янв. 1878 г. представлялось, какъ дѣйствіе индивидуальное: процессъ г-жи В. Засуличъ былъ 31 март. 1878 г.) Уговаривая „террористовъ“ отказаться отъ ихъ способа дѣйствій или хотя приостановити ихъ, земцы съ своей стороны предполагали коллективное заявленіе правительству: сначала 1) о восстановленіи земскаго положенія и правилъ о печати 1865 года 2) объ устраниніи административной ссылки и спе-

циальных судов по политическим делам*), — и затѣмъ, каковы бы ни были отвѣты правительства — 3) о созваніи общаго земскаго представительства. Кіевскіе соц. революционеры отказались принять сдѣланное имъ предложеніе, — и земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „дегальные“ элементы болѣе или менѣе радикальнаго направленія — въ томъ числѣ и нѣсколько человекъ украинскаго направленія. Образовавшійся такъ союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ называли не безъ проин, какъ это часто бываетъ, — Лигою оппозиціонныхъ элементовъ или просто Лигою. Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія“, или просто Земскій Союзъ. Имя Лиги между тѣмъ пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безгласности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда графъ Пигатевъ въ началѣ 1882 г. основалъ комиссію для собранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ“, то указалъ ей кромѣ Земской Лиги или З. Союза съ его органомъ «Вольное Слово» еще три Лиги: Либеральную (въ Москвѣ), Южнорусскую и Земельную, которая будто-бы, при помощи Земской Лиги, думала заводить «интеллигентныя» земледѣльческія колоніи по идеямъ пр. Энгельгардта. (Иное общество было „Черный Передѣлъ“). Въ публикѣ называли Лигой и „Добровольную Охрану“, которая, какъ говорили, также имѣла въ виду собраніе земскаго собора (см. въ «Вольномъ Словѣ» № 41, „Дѣятельность Свяц. Дружины“ и программу «Добров. Охраны»), и даже «Священную Дружину» или «Друж. Спасенія», добровольныхъ жандармовъ и шпионовъ, возникшую при градоп. Барановѣ, члены

*) Какъ минимумъ въ этомъ отношеніи, предполагалось простое возвращеніе къ первоначальной редакціи Раздѣла II кн. III Устава уголовнаго судопроизводства по Суд. Уставамъ 1864 г., по которой обыкновенныя полит. преступленія подлежали вѣдѣнію судебныхъ палатъ, а не совершенно инквизиціонныхъ особыхъ присутствій сената, установленныхъ новой редакціей 1872 г., а также отмена совершенно противныхъ духу Суд. Уставовъ 1864 г. «правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по ислѣдованію преступленій» 1871 г.

которой замыслили даже дуэли и контр-аттентаты против воображаемых ими заграничных распорядителей царевбийством*). Лица разных категорій находили интересъ поддерживать это смѣшеніе понятій и посредствомъ печати**).

Сколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе правильные переговоры земскихъ либераловъ съ террористами и прекратились на кievскомъ опытѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о переговорахъ харьковскихъ земцевъ, о какихъ упоминаетъ г. Кеннанъ, которыя, по его словамъ, должны были быть уже послѣ убійства Мезенцева и въ которыхъ будто бы террористы предложили извѣстныя требованія, съ тѣмъ что если правительство удовлетворитъ ихъ, то «партія откажется отъ всякихъ фактовъ насилія и займетъ выжидательное положеніе». (Г. Кеннанъ излагаетъ здѣсь, но еще скромнѣе, тѣ именно пункты, которые предлагали въ Кіевѣ террористамъ земцы, а не наоборотъ). Послѣ такихъ переговоровъ, по словамъ г. Кеннана, и представлено было харьков-

*) Слухи о такихъ замыслахъ подтверждаются словами одного изъ дружинниковъ г-ну Ан. Леруа Болѣ (Указ. сочин. II, 162).

**) См. «Общее Дѣло» и «Le Révolté» 1881—1882 гг., «Календарь Народной Воли» на 1883 г. и др., а также «Правду» (террористическій - анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ въ 1882—1883 гг., агентомъ Судейкина, г. Климовымъ). Изъ упомянутой комиссіи при гр. Игнатьевѣ вышла, между прочимъ «Докладная Записка № II, о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 июня 1882 г.» напечатанная въ 1883 году въ «Общемъ Дѣлѣ» № 54. (Передъ тѣмъ она была переведена въ краковской газетѣ «Nowa Reforma»). Въ запискѣ этой говорится о кievскихъ либер. вачиваніяхъ 1878 г., во крайне точно, на основаніи показаній одного предателя изъ по ит. подсудимыхъ, а кромѣ того, частію невольна, но невѣднѣю, стоить свойственному русской полиціи, а частію съ умысломъ, сведено къ одной организаціи кievское украинно-фильство, женевская «Громата», «Земскій Союзъ» съ «Вольнымъ Словомъ», «Добровольная Охрана» и «Крамора», представляемая Тела-овымъ и Тигромъ г. Левъ Пихомировъ). Въ другой Запискѣ (№ 3), еще не попавшей въ печать, посвященной Либеральной Лигѣ, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма. Читатель пойметъ, что еще по время критически разбирать подобные до-сументы; обнародованіе же ихъ безъ критики можетъ служить только шаутажу и цѣлямъ—судейкинскимъ. Въ этихъ цѣляхъ г. Климовъ и пускалъ въ Женевѣ въ русской эмиграціи упомянутую Записку № II. Вообще надо сказать, что въ то время Судейкины обнаружили гораздо больше ловкости для раздѣленія оппозиціонныхъ элементовъ, чѣмъ эти послѣдніе для своего объединенія.

скимъ земскимъ собраніемъ извѣстный адресъ, редижированный г. Гордѣнкомъ.

Не смѣемъ рѣшительно оспаривать показанія г. Кеннана; быть можетъ, кто-нибудь изъ харьковскихъ земцевъ и имѣлъ подобный разговоръ съ какимъ-нибудь изъ русск. с. революціонеровъ, — но его нѣтъ резона обобщать, тѣмъ болѣе что нигдѣ въ Россіи никакой приостановки политич. убійства не вослѣдовало, адресъ же, составленный г. Гордѣнкомъ (членомъ Либеральнаго комитета, по словамъ г. Кеннана) послѣ убійства ген. Мезенцева, и не могъ вызвать симпатій у р. с. революціонеровъ къ земскимъ либераламъ. Вообще г. Кеннанъ слишкомъ обобщаетъ отрывочныя данныя о р. либералахъ и террористахъ. Такихъ систематическихъ отношеній между ними не было: не могли тогда ни въ какомъ случаѣ установиться между ними и какия бы то ни было и соглашенія, по различію, какъ мнѣній, такъ и всего habits'a обѣихъ сторонъ.*)

Кіевская попытка 1878 г. интересна только, какъ опять извѣстной земской группы вступити въ прямыя отношенія съ

*) По показанію г. Кеннана условія, изложенныя «террористами» «Либеральному Комитету» были: 1) «устранить существующія свѣщенія слова и печати, 2) гарантировать права личности противъ капризныхъ, незаконныхъ и несоответственных(?) поступковъ исполнительныхъ властей и 3) призвать тѣмъ и другимъ способомъ населеніе къ участию въ управленіи. По всемъ же другимъ свѣдѣніямъ, этотъ послѣдній пунктъ и былъ противенъ русскимъ социалистамъ 70-хъ годовъ, съ томъ числѣ и первымъ террористамъ, ибо былъ равносильнъ «к» ституціи». По словамъ біографа Желябова (стр. 16), южные террористы въ 1878 году на замѣчанія: «Вы признаете значить необходимость политической свободы?» — отпарились: «намъ не нужно конституціи, намъ не нужны ихъ законы, — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой» (конечно, социалистической агитаціи!). Петербургская прокламація по поводу убійства Мезенцева, послѣ упомянутого выше изложенія взгляда социалистовъ на буржуазію и правительство, — ставитъ послѣднему такіа требованія: 1) свобода слова и печати, 2) судъ присяжныхъ для политическихъ процессовъ и 3) амнистія за прежнія политическія преступленія, — но ни слова не говоритъ о «призваніи тѣмъ или другимъ способомъ населенія къ участию въ управленіи» (Tikhomirof. La Russie politique et Sociale, I изд., 440). Скольکو намъ извѣстно, благосклонное отношеніе къ «конституціи» повидѣлось только къ концу 1878 г. у некоторыхъ кіевскихъ соц. революціонеровъ, какъ, напр., у Ошпеняго, но симпатію имъ товарищами за мнѣніе, вполнѣ среднеческое.

революционерами, а также как шагъ, который повелъ за собою опытъ извѣстной организаціи разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Не добившись соглашенія съ социалистами-террористами, кievская Лига рѣшилась все-таки вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній для достиженія указанныхъ выше цѣлей, а также оказывать помощь опубликованію разныхъ недовольствъ существующимъ полит. порядкомъ и для этого отправила нѣсколько рукописей для напечатанія въ Галицію. Изъ этихъ рукописей скоро напечатана была и вынуждена въ свѣтъ брошюра „Мартовское движеніе студентовъ кievскаго университета въ 1878 г.“ (тогда было выключено 170 студентовъ, изъ которыхъ многіе были высланы въ дальнія губерніи, при чемъ произошли уличныя демонстраціи, противъ которыхъ въ Москвѣ выступили знаменитые мясники). Другія же двѣ брошюры: „Русская молодежь, правительство и общество: съ прилож. протеста харьковскаго университета (противъ избиенія студентовъ казаками) и доклада совѣта с. петерб. университета“ (объ отношеніяхъ полиціи къ студентамъ) и самая интересная въ политическомъ отношеніи брошюра „Ближайшія задачи земства: съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губ. земскаго собранія на правительственное обращеніе“ и проч. — не увидѣли свѣта, потому что галицкая (австрійско-польская) администрація, которая тогда только что начала борьбу у себя съ украинскимъ и польскимъ социалистическимъ движеніемъ, арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе и захватила самыя брошюры, хотя онѣ ничѣмъ не трогали, ни Австріи, ни Галиціи. Это было вовсе ненепредвидимое и ненеобходимое препятствіе.*) Но оно было причиною, почему статья „Ближайшія задачи земства“ напечатана была только въ 1883 г. въ 56 №-рѣ „Вольнаго Слова“, когда (только!) намъ былъ доставленъ единственный спасенный ея экземпляръ („Земскій голосъ изъ недавняго времени“).

*) Мысль печатанія либеральныхъ публикацій для Россіи въ Галиціи — очень счастливая, но въ то время тамъ еще не сложились дальновидныя и достаточно вліятельныя группы украинскія и польскія, которые помогли бы такому дѣлу, прямо полезному для ихъ соотечественниковъ въ Россіи. Теперь едва начинаютъ онѣ складываться.

Самыя замѣчательныя мѣста въ этой статьѣ: критика отвѣтовъ харьковскаго и полтавскаго земства на правительственное обращеніе 1878 г. и программа. Выписавъ обѣщаніе упомянутыхъ отвѣтовъ „вырвать съ корнемъ пропаганду“ и проч., — авторъ говоритъ: „Мы думаемъ, что Полтавское и Харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посылимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душиить идеи и истреблять людей ими живущихъ?“ Программу же земства авторъ излагаетъ такъ: „Въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантіи личности и созывъ Учредительнаго Собранія“**).

Послѣ неудачнаго опыта кievской Лиги въ Львовѣ, только въ августѣ 1881 года „Земскій союзъ“ приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово“ въ Женеvѣ. Первоначальная редакція этой газеты стояла на пути кievской Лиги, а именно рядомъ съ пропагандой идеи земскаго самоуправленія, она имѣла въ виду помогать опубликованію идей всѣхъ оппозиціонныхъ направленій въ Россіи, кромѣ террористическаго, т. е. собственно принципіальнаго терроризма, такъ какъ „Вольное Слово“ смотрѣло на политическія убійства (не совсѣмъ точно называвшіяся терроризмомъ, такъ какъ терроръ французскихъ якобинцевъ былъ системой извѣстнаго правительства, а не заговорщиковъ), какъ на естественное послѣдствіе извѣстной правительственной системы и признакъ общественнаго раздраженія противъ нея**), но не какъ на целесообразный способъ политической борьбы. Въ 1882 г. обострился еще одинъ мотивъ къ раздѣленію между „Вольнымъ Словомъ“ и р. революціонными кружками, такъ какъ въ это время въ „Народной Волѣ“ окончательно воспреобладало направленіе „якобинское“ — централистическое и даже диктаторіальное (см. „Нар. Воля“, № 8—9 и нашу статью „Нар. Воля о централизациі рев.

*) Этотъ терминъ «Учредительное Собраніе», — болѣе абстрактно радикальный, чѣмъ практическій по данному времени, вошелъ потомъ въ программу «Народной Воли». Авторъ статьи «Ближайшія задачи земства» самъ такъ радикаленъ, что настаиваетъ именно на Учредительномъ собраніи, предлагая земству «отсегнуть великую конституцію, данную сверху» — какъ «конституціонную комедию.»

**) Ср. выше слова Тверскаго земства.

борьбы въ Россіи“ въ „Вольн. Сл.“ № 37—38) которое рѣшительно пошло въ разрѣзъ съ земскими стремленіями къ самоуправленію*). Изъ другихъ направленій въ русскомъ

*) Каковы были политическія идеи у разныхъ лицъ и въ кружкахъ, группировавшихся около «Исп. Ком. Нар. Воли» остается до сихъ поръ недостаточно выясненнымъ. О существованіи различій между федералистами и централистами въ самомъ Исп. Ком. до 1 го Марта 1881 г. есть указаніе въ письмѣ къ намъ Желябова («Вольное Слово» № 39), а въ книгѣ г. Тихомирова (La Russie Politique «t Sociale, I изд., 281, 440) есть намеки на коренныя различія между «террористами» и якобинцами, которыхъ г. Т. однихъ называетъ собственно «народовольцами». Необходимо замѣтить, что съ якобинствомъ, который въ комбинаціи съ социализмомъ проповѣдывался въ 60-е годы въ «Мол. Россіи», въ 70-е гг. въ «Набатѣ» и послѣ 1 Марта 1881 г. воспроизводилъ въ «Нар. Волѣ» (по 1883 г. и потомъ перешелъ въ заграничный «Вѣстн. Народ. Воли»), случилось у насъ недоразумѣніе, едва ли еще не большее, чѣмъ съ «терроризмомъ». Французскіе якобинцы 1792-93 гг. вовсе не были заговорщиками. «Захватившими власть» посредствомъ *coup d'état* въ республическомъ государствѣ, но партией, которая организовалась уже при существованіи въ странѣ значительной свободы (со времени самаго признака къ *états généraux* въ 1788 г.) и которая имѣла за собою большинство въ нац. конвентѣ, каковой была создана предыдущимъ законодательнымъ собраніемъ и представляла законное правительство страны. Какъ только якобинцы, — диктатура которыхъ, надо помнить, объяснялась еще и военнымъ положеніемъ, — потеряли поддержку этого большинства, между прочимъ черезъ попытки на *coup d'état*, — то потеряли и власть, — послѣ чего *coup d'état* удался уже ген. Бонапарту и тѣмъ только якобинцамъ, которые къ нему пристали. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ недавняго времени якобинство имѣло себѣ источникомъ, кромѣ авторитарныхъ стремленій, свойственныхъ известной части р. населенія, особенно столичнаго, своего рода компромиссъ новѣйшаго политическаго революціонаризма съ остатками стараго народничества, которые не могли расстаться съ вѣрою въ непосредственное осуществленіе социалистическаго идеала. Такъ какъ иллюзію о социалистическомъ большинствѣ въ русск. нар. собраніи, которая сначала излагалась въ «Нар. Волѣ», трудно было поддерживать, а признать, что при политической свободѣ приложеніе къ жизни идеи социализма будетъ зависѣть отъ сознательной борьбы разныхъ классовъ на почвѣ самоуправления, т. е. отъ медленой и болѣе или менѣе законной агитации, было довольно тяжело для многихъ «народниковъ-революционеров». то оставалось только ухватиться за новую иллюзію — предварительнаго соц.-экономич. преобразованія Россіи посредствомъ революціонной диктатуры, а потомъ уже созванія народн. собранія. Эту иллюзію можно было бы оставить советамъ безъ возраженій, если-бы она не поддерживалась въ известныхъ кругахъ, особенно у молодежи, авторитарно-бюрократическихъ идей и не открывала даже возможности

соціалістическомъ движеніи даже довольно широко представлено было въ «Вольномъ Словѣ» 1881—1882 г. направление соціально-демократическое, заграничные публицисты котораго не задолго передъ тѣмъ издавали „органъ соціалистовъ-федералистовъ“ („Черн. Передѣль“). Но съ теченіемъ времени обнаружилась невозможность согласія между земскимъ самоуправленствомъ и чернопредѣльской соціально-демократіей, которая все больше принимала антилиберальный и централистическій характеръ (см. особенно въ 34 и 35 №№ „Письма о рабочемъ движеніи“ и „Замѣтку отъ редакціи“) Чернопредѣльская соціально-демократія была устранена изъ „Вольнаго Слова“, и газета приняла болѣе цѣльное направление, объявивъ себя прямымъ органомъ „Общества Земскаго Сюза и Самоуправленія“ (См. передовую статью въ №-рѣ 37, 15 Мая 1882 г.). Она, впрочемъ, продолжала давать мѣсто голосамъ разныхъ направлений (даже въ защиту „террористовъ“, см., напр., въ №-рѣ 38 „На кануѣ терроризма“, ср. раньше въ № 10 „Замѣтка о взаимномъ отношеніи нарождающихся въ Россіи партій“) и много посвящала мѣста соціальному вопросу, слѣдя за разнородными проявленіями его въ Европѣ и Америкѣ (напр., здѣсь сдѣлано было первое на русскомъ языкѣ довольно обширное изложеніе ученія Г. Джоржа о націонализациі земли) и выражая сочувствіе тѣмъ изъ соціалистическихъ направлений, которыя хотятъ разрѣшенія соц.-экономическихъ вопросовъ на почвѣ гражданской свободы и самоуправленія.

Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, опытъ изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ Маѣ 1883 г. изданіе было уже прервано.

Не могутъ либеральные земцы похвалиться своею энергіей и въ дѣлѣ организаціи законно-либеральнаго движенія въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ въ Россіи.

Достаточно было правительству принудить земскіи либерализированныя разнаго рода народниковъ-якобинцевъ съ существующимъ царско-бюрократическимъ строемъ, какъ только наступило бы у нихъ разочарованіе въ вѣрѣ въ абсолютизмъ революціонный.

рализмъ высылкою нѣсколькихъ человекъ (и то «въ мѣста не столь отдаленныя») и даже выговорами, чтобы цѣлыя планы о заявленіяхъ, напр., даже противъ административной ссылки, — оставлялись въ карманахъ. Наконецъ, нѣкоторыя земцы и даже цѣлыя собранія, которыя просили общеземскаго представительства для борьбы съ крамолой, — доводили оппортунизмъ не только за предѣлы морали, но и за предѣлы политической дальновидности и даже простаго разумія общественныхъ явленій, такъ какъ русское правительство называетъ крамолой и социальное движеніе вообще, и политическія убійства въ частности и все это окрещиваетъ именемъ анархизма. Между тѣмъ социальное движеніе теперь неизбежно во всякой европейской странѣ, и чѣмъ болѣе и чѣмъ давите страна свободна, тѣмъ болѣе оно имѣетъ мирный характеръ и на оборотъ: политическія же убійства или представляютъ явленія случайныя, которыя могутъ быть ведѣнъ (покушеніе Пассананте на кор. Гумберта), или же, если становятся систематическими, какъ въ Россіи, то именно ведѣдствіе гнета и жестокостей правительства. Незабвжими теперь стали и проявленія социальнаго терроризма (онѣ собственно существовали отъ вѣка, только теперь для нихъ придумана ново-анархическая теорія). — и, если въ въ Россіи продлится теперешній порядокъ, то онѣ станутъ многочисленнѣе и сознательнѣе*)

Г. Кеннанъ говорить со словъ своихъ знакомыхъ земскихъ либераловъ: «нельзя было ничего достигнуть мирнымъ способомъ, если террористы стали бы продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія». Но именно въ такой постановкѣ вопроса и была вся ошибка земскихъ либераловъ: нужно было принять дѣйствительность, какъ она есть: и съ даннымъ правительствомъ, и съ террористами, — и построить свой планъ дѣйствій, при этихъ условіяхъ, на всякій случай, и при этомъ планъ дѣйствій, какъ мирныхъ, такъ и военныхъ. Собственно воплоти «мирныхъ способовъ» у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое заявленіе объ измѣ-

*) Пока толки извѣстной части русскихъ революціонеровъ какъ, напримѣръ, «Молодыхъ Народовольцевъ», «забрычнохъ и аграрнохъ террорѣ» (см. «Процессъ 21-го. Женева, 1888, стр. 17-16) остаются разговорами.

неніи высшего управления у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно переступить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ, и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожидаться до намѣренія правительства уничтожить даже обрѣзанныя уже земскія учрежденія и возвратити Россію къ николаевскимъ порядкамъ. Земскимъ либераламъ приходится теперь или помириться съ этимъ уничтоженіемъ и принять самимъ только «выжидательное положеніе» или же остановить правительство на гибельномъ для Россіи пути. Но въ настоящее время у нихъ остался только одинъ легальный путь: личныя заявленія императору или хоть членамъ государственнаго совѣта, которые захотятъ способствовать открытію царскихъ глазъ. Конечно, и этимъ путемъ можно достигнуть кой-какихъ результатовъ, впрочемъ, развѣ только чисто отрицательныхъ, напр., сохраненія status quo, да и то только при условіи, если этотъ приемъ будетъ импонируетъ числомъ личностей. Но и для этого надобны энергія и стоворъ, а слѣдовательно и извѣстный рискъ *).

Коллективныя же заявленія въ собраніяхъ теперь меньше чѣмъ когда-нибудь, возможны безъ стовора и рѣшимости «выйти изъ легальности, чтобы вступити въ право», — т. е. просто не слушаться ни губернаторскихъ, ни предводитель-

*) Вся наша статья была набрана, когда въ заграничныхъ изданіяхъ стали появляться вѣсти, что Толстовскіе проекты встрѣтили чуть ли не единодушную оппозицію въ госуд. совѣтѣ и по всей вѣроятности отвергнуты будутъ и государемъ. (??) Если бы такъ и было, то это отнюдь не можетъ успокоить даже самыхъ умѣренныхъ сторонниковъ однихъ земскихъ учрежденій даже въ ихъ теперешнемъ видѣ. Вѣдь практика 25 лѣтъ показала, что даже примѣненіе Положенія 1864 г. невозможно при существующей общей системѣ администраціи и правительства въ Россіи, — не говоря уже о томъ, что практика эта показала и недостатки самаго этого Положенія и необходимость измѣненій въ немъ — въ болѣе демократическомъ и либеральномъ духѣ. Гдѣ ручательства, что эти измѣненія будутъ сдѣланы, разве если бы гр. Дм. Толстой и считъ нужнымъ выйти въ отставку, когда нѣтъ ручательства даже на то, что его не замѣнитъ какой-нибудь новый гр. Валуевъ, Тимашевъ, Маковъ?... Но всему этому земскій вопросъ и даже вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г., остается во всякомъ случаѣ все въ томъ-же положеніи, какое мы имѣли въ виду, составляя нашу статью.

ских остановок прений, для чего надо, чтобы земцы хоть нескольких губерний, которым придется открыть кампанию, не побоялись, но крайней мерѣ, административной ссылки *). Достанет ли теперь у земцев на это рѣшимости? — вотъ въ чемъ вопросъ! Пока, исторически обозрѣвая прошлое, мы должны сказать, что такихъ качествъ, какъ рѣшимость, у земскихъ либераловъ не было.

Эта, какъ и большая часть другихъ омяѣченныхъ выше слабостей нашего земскаго либерализма, можетъ быть объяснена недостаточнымъ количествомъ въ земскихъ кругахъ молодыхъ элементовъ радикальнаго направления. А это объясняется въ свою очередь тѣмъ, что съ самыхъ 60-хъ годовъ, а особенно съ 70-хъ, наша молодежь выступала на политическую борьбу слишкомъ въ юномъ возрастѣ, прежде чѣмъ успѣвала получить специальное образование, а тѣмъ болѣе профессиональное положеніе, — а также и тѣмъ, что въ нашихъ радикальныхъ кругахъ вопросы собственно политическіе (государственно-административные) не пользовались вниманіемъ и даже вовсе отрицались для вопросовъ социальнo-экономическихъ, которые одни считались народными, при чемъ эти послѣдніе вопросы представлялись у насъ какъ-то вѣдь реальными государственно-административныхъ учреждений. Вотъ почему наши радикалы-народники не только не думали входить въ земство, но даже мало интересовались тѣмъ, что въ немъ дѣлается и думается.

Съ нѣкотораго времени это положеніе начинаетъ измѣняться, и теперь не рѣдко приходится слышать толки о необходимости сближенія радикаловъ съ «обществомъ», а слѣдовательно и съ земцами, которые представляютъ его наибольшую и наиболее независимую отъ службы часть. Сближенія съ цѣлью совместнаго добыванія политической свободы, къ признанію необходимости которой жизнь при-

*Всѣмъ земцамъ
и радикаламъ
нужно
прислать
свои
предложения*

*) Г. Лорусъ Болье сообщаетъ, что г. Горѣшенка и др. предложено было въ Петербургѣ выслать въ Сибирь и что только гр. Лорусъ Мелинскому удалось остановить эту мѣру (ср. cit. 225). Не знаемъ, насколько вѣрно это свидѣніе, очевидно, полученное «отъ одного бывшего министра». Не извѣстно и то, сколько земцев поплатилось до сихъ поръ за либерализмъ, кромѣ г. Петрункевича, высланнаго изъ Черниговской въ Костромскую губ. Слухи, которые ходили о г. Винбергѣ изъ Таврической губерніи и г. Костлицевѣ изъ Новгородской, не ясны.

вела, хотя и разными дорогами, народников-радикаловъ, какъ и земцевъ. Это большой шагъ впередъ, который безплодно не пропадетъ. Но съ своей стороны мы опасаемся, какъ бы и это «хождение» въ общество и земство не привело къ разочарованію, подобному тому, какое послѣдовало за хожденіемъ въ народъ. — Опасаемся, что въ настоящихъ нашихъ общественно-земскихъ кругахъ найдется только сознаніе необходимости и формъ политической свободы, но мало силъ, способныхъ на немедленную дѣятельную борьбу за нее. — такъ что можетъ оказаться, что нашимъ активнымъ радикаламъ собственно и сближаться будетъ не съ кѣмъ. Если это такъ, то нашимъ младшимъ поколѣніемъ радикальнаго направленія самимъ надо будетъ стать людьми общества и земцами и активными либералами. Это, конечно, замедлитъ установленіе въ Россіи политической свободы, но въ нашъ вѣкъ, когда общественное сознаніе растетъ ускоренно, это замедленіе не можетъ быть слишкомъ продолжительнымъ. Правда, теперь всякое замедленіе можетъ подвергнуть нашу страну большимъ бѣдствіямъ, но общества и народы неизбежно несутъ наказанія за свою слабость, невѣдѣніе и ошибки. Не поддежитъ сомнѣнію, что и эти наказанія пойдутъ Россіи въ прокъ. — и тогда, какова-бы ни была судьба теперешнихъ земскихъ учреждений, но общественное мнѣніе въ Россіи станетъ, конечно, съ большей энергіей вновь на ту точку, на которую стали либеральныя дворянскія собранія 1858—1862 г. и земскія — въ 1879—1883 гг.

Суженаго конемъ не объѣдешь!

Если теперешнія земскія учрежденія будутъ отменены, то либеральныя требованія появятся опять въ дворянскихъ собраніяхъ, какъ 1858—1862 гг.; если же земства, переживутъ надѣшній кризисъ, то, спустя извѣстное время, онѣ опять сдѣлаются. — говоря языкомъ московской реакціонной газеты, — театромъ конституціонныхъ «сатурналій», какъ въ 1879—1883 гг.

Въ началѣ настоящаго очерка мы сказали, что либеральное движеніе въ Россіи растетъ по неотразимымъ законамъ исторіи. Факты, которые мы изложили выше, показываютъ, что Россія вступаетъ въ періодъ, подобный тому, который

Окончательное сложение Etats G ^é n ^é raux во Франціи	> 1302 г.	
Первый Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ	> 1550 г.	
		разница на 248 л.
Последнее собраніе Etats-G ^é n ^é raux.	> 1614 г.	
Последній Земскій Соборъ	> 1698 г.	
		разница на 84 г.
Попытка созванія Etats-G ^é n ^é raux во время Фронды въ 1649—1651 гг.		
Попытка ограниченія самодержавія императрицы Анны	> 1730 г.	
		разница на 79 л.

Такъ какъ разстояніе между этапами политической жизни Франціи и Россіи съ каждымъ изъ нихъ сокращается, то французскому собранію новыхъ Etats G^én^éraux въ 1789 г. давно уже должно было бы соответствовать созваніе новаго Земскаго Собора въ Россіи. Это не случилось до сихъ поръ только влѣдствіе нѣкоторыхъ условій и осложненій положенія Россіи съ XVIII в. и между прочимъ влѣдствіе своеобразнаго отраженія на ней европейскихъ событій.

Въ первыхъ Московское царство съ к. XVII в., послѣ присоединенія къ нему Малороссіи, приобрѣло слишкомъ скоро на югѣ и западѣ обширныя области съ разнообразнымъ населеніемъ и учрежденіями*). Области эти не могли быть скоро приведены къ политическому единству инымъ способомъ, кромѣ въ началѣ диктаторіальнаго, съ извѣстными уступками мѣстнымъ земскимъ элементамъ (казакамъ и пр. въ Малороссіи, феодаламъ и отчасти городамъ въ Балтійскомъ краѣ) а потомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственнаго объединенія, централизаціей бюрократической. Позже всѣхъ приобретенная область, Царство Польское, уже въ эпоху европейскаго либерализма, присоединена была да-

*) Въ этомъ приобрѣтеніи дѣйствовала какъ экспансивная сила русскаго государства, такъ еще больше слабость соедѣнныхъ державъ, влѣдствіе національно-сословныхъ антагонизмовъ по всей полосѣ отъ Финляндіи до Чернаго моря.

же въ видѣ особаго конституціоннаго государства, какъ не задолго передъ тѣмъ и Финляндія, но не будучи такъ отрѣзана отъ остальной Россіи и географіей, и этнографіей, она подошла, наконецъ, подъ общее диктаторіально-бюрократическое ярмо. Между тѣмъ пока разныя области Россіи находились на различномъ положеніи, при чемъ новыя области пользовались многими привилегіями, въ Россіи не могла выработаться солидарная оппозиція самодержавію; сенаратистическія же стремленія въ какой-нибудь изъ нихъ вызывали въ области центральной реакцію въ пользу этого самодержавія, подъ управленіемъ котораго области эти были приобретены.

Къ сказанному надо прибавить, что самое превосходство въ цивилизаціи западной половины Россіи надъ Великороссіей, было причиною того, что западнымъ людямъ открывалась карьера при центральномъ правительствѣ, которая отвлекала ихъ отъ мѣстныхъ дѣлъ и привязывала ихъ къ этому правительству и его формѣ. Вспомнимъ, что во время попытки ограничить самодержавіе им-цы Анны, либералами явились вельможи-великоруссы, тогда какъ малороссы-духовные и пѣмцы-чиновники стали на сторону самодержавія.

Заповзавши такимъ образомъ и застоявшись въ фазѣ самодержавія долѣе, чѣмъ слѣдовало, по ходу внутренняго процесса развитія, Россія XVIII в. попала въ такое отношеніе къ западной Европѣ, что даже сближеніе ея съ этой послѣдней должно было замедлить ее еще болѣе въ самодержавномъ періодѣ. Неограниченное царство сложилось въ Россіи тогда, когда западная Европа вступала въ періодъ такъ наз. „просвѣщеннаго деспотизма“, — а такъ какъ въ добавокъ судьба послала россійскому самодержавію талантливаго челоуѣка, въ лицѣ Петра Великаго, то самодержавіе это стало въ Россіи на извѣстное время идеаломъ именно наиболѣе образованныхъ людей. Другая талантливая личность, на русскомъ тронѣ, Екатерина II, рѣшилась даже на такую демонстрацію передъ „просвѣщеннымъ“ вѣкомъ, какъ созваніе подобія земскаго собора въ 1767 г. (т. е. за 22 года раньше французскаго собранія 1789 г.) не опасаясь за цѣлость своего деспотизма. Но вскорѣ за тѣмъ западныя европейскія страны абсолютно-монархическаго строя, успѣвши извѣриться въ надеждахъ на деспотизмъ, даже просвѣ-

щенимъ, стали стремиться къ общественному самоуправленію, принципы котораго ясно и были поставлены во французскомъ національномъ собраніи 1789—1791 гг. Русское самодержавіе увидѣло въ этомъ угрозу и собѣ и съ той поры стало отказываться отъ исполненія всякихъ прогрессивныхъ обязанностей, какъ старой, военно-религіозной монархіи, такъ и новой, философской.

Между тѣмъ одно изъ отличій Московскаго царства отъ западно-европейскихъ монархій состояло какъ разъ въ томъ, что въ послѣднихъ монархіяхъ помогать освобожденію массъ народа отъ феодальной аристократіи и почти окончилъ эту работу передъ началомъ освободительнаго періода. — тогда какъ въ Московіи и потомъ въ Россіи XVIII в., именно въ самодержавно-монархическій періодъ, крестьянство было закрѣплено духовенству и служилому дворянству. Обстоятельство это должно быть объяснено колонизаціонными и военными отношеніями въ Восточно-европейской равнинѣ, гдѣ, напр., Московское царство XVI—XVII в., будучи, по политическому возрасту, ровесникомъ Франціи при короляхъ Валуа, въ упомянутыхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало Франкскому государству при Меровингахъ и Каролингахъ. — вотъ почему основа феодализма, раздача земель служилымъ людямъ, со всеми послѣдствіями ея, продолжалась въ Московіи и Россіи даже до XIX в., — да въ иныхъ формахъ, тянется и до нашего времени *). Съ устройствомъ войска на ново-европейскій ладъ, а также подъ влияніемъ идей просвѣщеннаго вѣка, и руссійское самодержавіе готово было (при Екатеринѣ II) взяться за освобожденіе крестьянъ, но натолкнувшись на повѣйшее европейское освободительное движеніе, самодержавіе это неспугалось и сдѣлалось консервативнымъ по всемъ пунктамъ. Въ этомъ консерватизмѣ укрѣплено было оно еще и прямымъ влияніемъ западнаго легитимизма, который внушалъ русскимъ самодержцамъ идею объ ихъ всемірномъ противуреволюціонномъ призваніи.

Въ импер. Николаѣ мы видимъ характернѣйшее совмѣщеніе стараго византійско-московскаго царизма, управлянна-

*) Что форма правленія тутъ играла второстепенную роль, видно и изъ того, что закрѣпленіе крестьянъ росло въ XV—XVIII в. и въ полуреспубликанской Польшѣ съ Литвой.

го въ новыя версальско-потсдамскія формы, съ новѣйшимъ контр-революціоннымъ диктаторствомъ. Въ теченіе 30 лѣтъ парализируя во всѣхъ направленіяхъ развитіе Россіи, система Николая I постепенно обличила свою несостоятельность, сначала передъ наиболее образованными людьми, а наконецъ и передъ всѣми, сколько-нибудь думавшими практиками. Послѣ этого обличенія можно было ожидать, что самодержавіе въ Россіи быстро уступитъ мѣсто общественному самоуправленію, — но именно объясненное выше замедленіе пребыванія Россіи въ этапѣ самодержавія, совпавши съ новымъ прогрессомъ Западной Европы, было причиною новыхъ условий для дальнѣйшей заминки Россіи въ этомъ же этапѣ.

Около 1848 г. въ Западной Европѣ прогрессивныя партіи раздѣлились: на умѣренно либеральныя и радикальныя, отъ которыхъ въ свою очередь стали отдѣляться фракціи социалистическія. — при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ, по реакціи старымъ сословно-либеральнымъ партіямъ, стали было даже склоняться къ диктаторіальнымъ идеямъ и даже къ союзу съ цезаризмомъ. Всѣ эти раздѣленія пустили свои отголоски и въ Россіи и при томъ даже раньше, чѣмъ ходъ жизни создалъ реальную подкладку для этихъ раздѣленій. А такъ какъ въ Россіи, при наследникѣ Николая I, подвинутомъ къ реформамъ послѣ неудачной войны, начатой Николаемъ, должно было возродиться даже поклоненіе „просвѣщенному“ деспотизму, то упомянутыя раздѣленія оказались какъ нельзя болѣе на руку абсолютизму. — какъ это и показываютъ многія данныя настоящаго очерка.

Но изъ этого же очерка видно, что въ послѣдніе годы сама жизнь въ Россіи успѣла обнаружить, какъ неосновательность надеждъ на просвѣщенный деспотизмъ, такъ и необходимость политической свободы для радикально-демократическаго и социалистическаго движенія, и сдѣлать либерализмъ непрерывнымъ догматомъ для всякаго послѣдовательнаго русскаго прогрессивнаго, какъ и для всякаго созвѣтнаго сторонника даже вѣтшнаго благоустройства страны. Такимъ образомъ теперь подконаны одніи изъ послѣднихъ указанныхъ выше идейныхъ препятствій къ торжеству либерализма въ Россіи. Остается лишь, чтобы ослабили племенные антагонизмы и чтобы у передовыхъ людей разныхъ

племень Россіи выработалось сознание необходимости солидарнаго дѣйствія для преобразованія ея политическаго строя къ общему благу. Большимъ приобретениемъ послѣдняго времени, дающимъ надежду на благоприятный исходъ также и племеннаго вопроса, слѣдуетъ считать то обстоятельство, что либеральное движеніе въ русскихъ земствахъ поставило отчетливо мѣстное самоуправленіе важнѣйшею частію своихъ требованій.

Если теперь всё образованные люди разныхъ племенъ населенія Россіи усвоятъ себѣ безповоротливо и послѣдовательно начала, лежація въ основѣ русскаго земскаго движенія и предлагаемыя въ осязательной формѣ, — а именно требованія неприкосновенности основныхъ правъ лица и мѣстнаго самоуправленія, обеспеченныхъ самоуправленіемъ государственнымъ, тогда главная часть работы добыванія для Россіи политической свободы будетъ сдѣлана.

Нечего смущаться теперешней матеріальной слабостію либерализма въ Россіи и огромными силами въ распоряженіи самодержавія. Матеріальными силами, конечно, пренебрегать нельзя, и либерализму нашему надо приобретать ихъ во всѣхъ элементахъ населенія Россіи: въ такъ называемыхъ «обществахъ» и «народѣ», среди «рабочихъ» и въ арміи. Но матеріальная сила въ вопросахъ внутренней политики далеко не все и даже не главное. Въ наши времена сочувственная, или, по крайней мѣрѣ, нейтральная нравственная атмосфера есть необходимое условіе для дѣйствія всякаго политическаго строя: лишенный ея всякій политическій порядокъ задыхается и падаетъ, при малѣйшемъ толчокѣ и даже безъ него. Такъ палъ королевскій абсолютизмъ во Франціи — не 14 іюля 1789 г., когда толпа парижанъ осадила Бастилію, а еще раньше, вслѣдствіе общественнаго сознанія, которое поставило на уста каждаго образованнаго француза слова: *Etats Généraux*, созваніе которыхъ было рѣшено еще дѣломъ 1788 г. послѣ волненій въ нѣсколькихъ провинціяхъ и заявленій земскаго собранія (*etats*) въ Дофинѣ, по поводу реформы судебныхъ палатъ (парламентовъ). Такъ прусскій абсолютизмъ палъ — не вслѣдствіе борьбы на улицахъ Берлина 18—19 марта 1848 г. (которая вспыхнула случайно и по поводу вопроса второстепеннаго, — національной гвардіи), а уже въ

1847 г., когда король-реакционер, подъ давленіемъ общественнаго мѣнія, выражавшагося между прочимъ и въ требованіяхъ провинціальныхъ земскихъ собраній (Provinzialstände) созвалъ объединенное ихъ собраніе (der vereinigte Landtag, по патенту 3 февраля 1847 г.) Сами 12—14 іюля въ Парижѣ и 18 марта въ Берлинѣ только потому и были возможны, что окружающая уже правительства нравственная атмосфера не позволила имъ употребить противъ столичныхъ возстаній матеріальную силу, которой у этихъ правительствъ было еще достаточно. 13 марта 1848 г. австрійское правительство, застарѣлое въ реакціи, поддалось собственнo горсти вѣнскаго населенія, которая приступала къ нему съ требованіями отставки Метерниха и объявленія политическихъ вольностей, потому что Метернихъ и вся его система были уже нравственно убиты въ общественномъ сознаніи, которое проникло и въ старомодныя провинціальныя земства (Landtage). Да и раньше удичныхъ волненій въ Вѣнѣ правительство уже уступало въ главномъ пунктѣ, такъ какъ уже 12 марта, — послѣ либеральныхъ адресовъ (промышленнаго общества, юридическо-политической читальни и студенческаго, переданнаго профессорами) и въ виду адреснаго проекта либераловъ Нижнеавстрійскаго земскаго собранія (о созывѣ общаго земскаго представительства, отмянѣ цензуры и пр.) — правительство составило рескриптъ, которымъ объявлено подобное представительство.

Бонапарты нашли силу обстрѣливать Парижъ, а Габсбурги — Вѣну. Гогенцоллерны возвратили войска свои въ Берлинъ, когда въ общественномъ мѣніи обнаружилась раздѣленія. — но единодушное отрицаніе стараго порядка и отчетливое требованіе новыхъ учрежденій, вполне ясно сознаваемыхъ обществомъ, всегда обнаруживало самыя реакціонныя правительства.

28 Ноября 1888 г.

САМОДЕРЖАВІЕ.

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ И НЕЗАВИСИМЫЙ СУДЪ.

Въ настоящее время во внутренней политикѣ Россіи самый важный вопросъ — это судьба земскихъ учреждений, о которой теперь идетъ рѣчь въ государственномъ совѣтѣ, по поводу административныхъ проктовъ г-ра Дм. Толстого. Понятно, что этимъ вопросомъ занята и русская журналистика, но сколько позволяетъ ей строгая цензура и таинственность самого представленія названныхъ проктовъ. Изъ текущей по этому поводу журнальной полемики особый интересъ имѣетъ споръ между Калужскими зингонами „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ съ одной стороны и „Вѣстникомъ Европы“ съ другой. Споръ, который тянется уже нѣсколько мѣсяцевъ. Полемика эта касается на столько важныхъ предметовъ, что мы считаемъ не лишнимъ разобрать ее принципиальныя основы нѣсколько подробнѣе въ нижеслѣдующей статьѣ.

Прежде всего позволимъ себѣ сказать, что вся упомянутая полемика принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ литературѣ, которая пишется не для общества, а въ полномъ смыслѣ ad usum Delphini и, какъ таковая, отличается особенностію дѣтскихъ рисунковъ, а именно отсутствіемъ перспективны. Въ абстракціи „Р. В.“ совершенно правъ, говоря, что мѣстное самоуправленіе и самодержавіе несогласимы. Но въ то же время правъ и „В. Е.“, приводя историческіе примѣры въ пользу противоположной мысли. Только примѣры эти „В. Е.“ поставилъ внѣ настоящей

исторической перспективы, а въ одной плоскости. Если же разставить эти примѣры по надлежащимъ плоскостямъ, — то выйдетъ опять, что правъ болѣе „Р. В.“ и даже не въ одной абстракціи. Остановимся пока на двухъ примѣрахъ „В. Е.“

Несомнѣнно, что въ Московскомъ Государствѣ, при величайшемъ деспотѣ, Иванѣ IV, существовало широкое мѣстное самоуправленіе; несомнѣнно также, что и въ монархической Пруссіи въ 1808 г. было установлено весьма широкое самоуправленіе городовъ. Но дѣло въ томъ, что Московское государство XVI в. принадлежало къ типу монархій восточныхъ и средневѣковыхъ, въ которыхъ еще не развилась бюрократія, а потому государства эти, будучи самодержавными вверху, допускаютъ самоуправленіе внизу. Съ теченіемъ времени, съ усложненіемъ потребностей государства и центральной власти, монархическое самодержавіе вездѣ, — въ томъ числѣ и въ Россіи въ XVII—XVIII в., — обставилось бюрократіей, которая неизбежно и затѣла всѣ виды мѣстнаго самоуправления, какъ затѣла она и старыя учрежденія и обычаи земскаго и сословнаго совѣтательства верховной власти и даже обычаи собирательныхъ прошеній со стороны подданныхъ. Но, такъ какъ со временемъ обнаружилась, по крайней мѣрѣ, для умовъ болѣе просвѣщенныхъ, неудобства самодержавно-бюрократической администраціи даже для высшаго благоустройства безконтрольно управляемыхъ ею странъ, то въ европейскихъ обществахъ явилось сознаніе необходимости измѣненія системы управленія предоставленіемъ самому населенію хоть доли участія въ завѣдываніи своими дѣлами, — если еще не высшими государственными. требовать чего не всѣ рѣшились въ началѣ, то хоть мѣстными. Такое значеніе имѣли, напр., во Франціи XVIII-го в. проекты Фенелона, Тюрго и др. о провинціальныхъ собораніяхъ, предшествовавшіе требованіямъ земскаго собора. (*états généraux*), проекты, которые, наконецъ, должно было осуществить правительство Людовика XVI-го (1778 — 1787) по идеямъ того же самого Неккера, который созвалъ и земскій соборъ 1789 г.*

*) Неспеціальному читателю мы можемъ рекомендовать книжку Léonce de Lavergne. Les assemblées provinciales sous Louis XVI

Такого рода учреждения, какъ французскія провинціальныя собранія при Людовикѣ XVI, имѣютъ уже совершенно иной смыслъ, чѣмъ азиатское или средневѣковое мѣстное самоуправленіе: это уже прямые предшественники правленія либерально-конституціоннаго и отъѣны правленія бюрократически самодержавнаго. Къ такимъ учреждениямъ принадлежатъ и цитируемыя «В. Е.» прусскія муниципальныя учрежденія 1808 г. Эти послѣднія, какъ равно и прусскія провинціальныя собранія (Provinzialstände), введенныя въ 1822 г., которыя болѣе сходны съ нашими земствами, чѣмъ муниципаліи 1808 г., даже имѣютъ и прямую связь съ французскими учреждениями, созданными земскимъ соборомъ 1789 — 1791 г., организовавшимъ самоуправленіе, какъ мѣстное (общинное, департаменское), такъ и государственное, по конституціи 1791 г. Учрежденія эти произвели огромное впечатлѣніе на всю Европу, въ томъ числѣ и на Германію. Какъ ни неказены они были якобинцами и Наполеономъ, которые подрѣзали особенно мѣстное самоуправленіе, все-таки Франція, — даже императорская, — оставалась de jure государствомъ конституціоннымъ. По типу ея сложились и новыя германскія государства, образованныя подъ вліяніемъ Наполеона, изъ которыхъ, напр., королевство Вестфальское и Баварское имѣли конституцію уже въ 1807 — 1808 гг., при чемъ вестфальская конституція вовсе не оставалась на бумагѣ.

Разбитая Наполеономъ самодержавно-бюрократически-дворянская Пруссія, послѣ 1807 г., должна была, чтобы стать на ноги, произвести революцію сверху, — „революцію въ хорошемъ смыслѣ“, какъ выразился тогда прусскій государственный дѣятель кн. Гарденбергъ въ письмѣ къ другому, къ знаменитому реорганизатору Пруссіи Штейну. Намъ странно было бы учить «В. Е.», напоминая ему, что Штейнъ и его товарищи по министерству, какъ Вильгельмъ Гумбольдъ и др., были политическіе либералы. Городское самоуправленіе 1808 г. было только однимъ изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи либеральныхъ учреждений, или предположенныхъ: самоуправленія общиннаго, уѣздна-

(2-ше эд. 1879), въ которой найдется много аналогій съ Россіей времени Александра II-го и теперешней.

го, провинціального и, наконецъ, государственнаго представительства (Reichstän^de), которое, по мысли Штейна, должно было состоять изъ делегаций провинціальныхъ сеймовъ, хотя сначала имѣть только совѣщательное значеніе *).

Придворная реакція помѣшала своевременному выполнению всего этого плана, — и политическая часть реформъ Штейна ограничилась надолго городскимъ закономъ 1808 г., но черезъ то вовсе не измѣнилось политическое значеніе этого закона. Самъ В. Е., возражая на замѣчаніе М. В., будто законъ 1808 г. былъ только «видозмѣненіемъ древнихъ городскихъ привилегій», говоритъ: «Трейчке совершенно правъ, придавалъ реформамъ Штейна совершенно другое болѣе глубокое значеніе (1889, Янв., 416, примѣч.). Но вѣдь Трейчке вотъ какъ оцѣниваетъ городскую реформу Штейна: «Подобно тому, какъ Фр. Вильгельмъ I создалъ новѣйшее нѣмецкое чиновничество, — Штейново городское устройство стало исходною точкою нѣмецкаго самоуправления. На немъ опирались всѣ новѣйшіе общинные законы, которые въ теченіи двухъ поколѣній, пока парламентаризмъ былъ еще не зрѣлъ и незавершенъ, образовали прочнѣйшую, наилучше обезпеченную часть нѣмецкой народнои свободы. Реформами Штейна вновь пробуждено было въ нѣмецкомъ городскомъ населеніи живое чувство общественности, охота къ общественной политической дѣятельности. Имъ обязаны мы тѣмъ, что нѣмецкое конституціонное государство стоятъ теперь на твердой почвѣ: и т. д. **)

Чего же еще нужно для признанія политическаго смысла прусской городской реформы 1808 г., у которой петербургскій журналъ отрицаетъ подобное значеніе? Изъ книги того же Трейчке (замѣтимъ, вовсе не радикальнаго либерала) — видно, что на этотъ счетъ не ошибались ни друзья реформы, ни ея противники, — феодалы и бюрократы старой школы, которые говорили о «республиканскомъ

*) V. Treitschke. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. I. 273-287. Цитируемъ это сочиненіе, такъ какъ на него ссылается и В. Е. Подробносіи любопытный читатель найдетъ въ біографіи Штейна, соч. Пертцомъ, въ полномъ и сокращенномъ изданіи.

***) Трейчке. тамъ же. 285.

началѣ городской реформы», какъ теперь партія «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ о «принципѣ народовластія» въ нашемъ Земскомъ положеніи 1864 г. Сторонники реакціи вскорѣ восторжествовали надъ Штейномъ при прусскомъ дворѣ, и дальнѣйшее развитіе реформъ его приостановилось:—но «В. Евр.» все-таки не правъ, увѣрляя, будто по самодержавію прусскіе короли Фридрихъ Вильгельмъ III и IV ничемъ не отличались отъ своихъ предшественниковъ. Нѣтъ, — старая самодержавно-бюрократическая монархія была уже подконана въ Пруссіи послѣ 1807 г. и ходомъ политики, даже и виѣшней, и общественнымъ анализомъ, — и кор. прусское правительство должно было, хоть медленно и съ оглядками, пойти къ реформѣ государственнаго правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширить и мѣстное самоуправленіе.

Въ 1813 г., поднимая нѣмцевъ противъ Наполеона, пр. король долженъ былъ пообещать имъ свободныя учрежденія по соглашенію князей и народовъ Германіи. *) Въ 1815 г. онъ формально объявилъ о томъ, что выработаетъ для своего государства, въ которое вступала и Вестфалія, конституцію. Политическое представительство было общаю наемъ нѣмцамъ союзнымъ актомъ 1815 г., послѣ чего юго-западныя меньшія государства скоро и получили конституціонныя учрежденія. Прусское правительство образовало комиссію для начертанія конституціи. — и канцлеръ кн. Гарденбергъ составилъ проектъ, близкій къ идеямъ Штейна: тутъ между прочимъ читаемъ: «лучшій фундаментъ конституціи есть целесообразное муниципальное и общинное устройство». Дальше проектъ предполагалъ выборныя собранія уѣздныя, провинціальныя и общегосударственныя. **)

Выработка конституціи прусской опять затянулось че-

*) Любопытно для русскихъ то, что это Калшиско: воззваніе 25 Марта 1813 г. было подписано отъ имени Е. В. императора и самодержца всероссійскаго и Е. В. короля прусскаго, нашимъ соотечественникомъ кн. Кутузовымъ-Смоленскимъ. Не это ли обѣщаніе Р. В. называется «вынужденнымъ»? Интересно бы знать: кѣмъ?—или лучше: чѣмъ. — кроме совокупности историческихъ условій, упорное исприваніе которыхъ обращаетъ самодержавіе въ полное самоуправство?

**) Трейчке, т. II. 635-637.

резь придворную реакцію, — которая между прочимъ ссылалась и на политическія убійства, студенческія демонстраціи, тайныя общества, антневрейскіе безпорядки и т. п. явленія, очень похожія на тѣ, какія мы видимъ въ последнее время въ Россіи, — но въ 1822 г. прусское правительство издало законъ о провинціальныхъ сеймахъ, — хотя и весьма аристократическихъ и имѣвшихъ только совѣщательный голосъ по общегосударственнымъ дѣламъ, — но все-таки осуществлявшихъ извѣстное провинціальное самоуправленіе и получавшихъ права многомъ большія, чѣмъ наши земства 1864 г. При Фридрихѣ Вильгельмѣ IV эти сеймы стали (съ 1840 г.) ходатайствовать о созваніи общегосударственнаго представительства, какъ и наши земскія собранія 1879 — 1883 гг. Король отказывалъ, — но, такъ какъ либеральное движеніе не утихало, то по немногу уступать: въ 1842 г. установлены были въ столицѣ совѣстные засѣданія комитетовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, какіе имъ предлагало правительство (напр., о желѣзныхъ дорогахъ, объ уложеніи наказаній). Но либеральныя ходатайства пров. собраній и городскихъ думъ, а также корпораций, не прекратились, не смотря на реакціонное настроеніе короля и двора, успешное аттенгаторъ Чеха и волненіями рабочихъ въ Силезіи, которая реакція представляла результатомъ коммунистической пропаганды*). Въ 1847 г. король согласился на Соединенный Сеймъ: — но и въ немъ движеніе, требовавшее упроченія политической свободы и большей демократизаціи представительства, не умолкало. Съ тѣхъ поръ, не смотря на разныя колебанія впередъ и назадъ (созывъ Учредит. собранія по избират. закону, составленному Соедин. Сеймомъ, потомъ октроированная конституція 1848 г. и т. д.) — Пруссія стала конституціоннымъ государствомъ. А когда конституціонное правленіе въ ней упрочилось (ибо компетенціи парламента, по крайней мѣрѣ, во внутреннихъ

*) Обо всемъ этомъ, особенно о либеральной агитаціи въ провинціальныхъ сеймахъ, въ городахъ и печати, см. интересныя, особенно для русскаго читателя, подробности у Wirth. «Die Geschichte der Deutschen Staaten von der Aufloesung des Reiches bis auf unsere Tage» (1847), т. III, 633 и слѣд.

дѣлахъ не смѣть отрицать самъ кн. Бисмаркъ), тогда, съ 1872 г., во время наибольшаго сближенія правительства съ либеральной партіей, вослѣдовала и новая реформа мѣстнаго управления: провинціального, уѣзднаго, окружнаго и волостнаго, которая, конечно, далека отъ «народоуправствѣ», въ родѣ, напр., швейцарскаго. — но все-таки представляетъ мѣру органически-прогрессивную, добросовѣстный опытъ довольно широкаго мѣстнаго самоуправленія.

Передъ тѣмъ сходный проектъ (Organisationsgesetz) выработанный въ 1850 г., встѣлъ за окончательнымъ установленіемъ конституціи, который долженъ былъ органически объединить всѣ силы самоуправления, былъ оставленъ безъ примѣненія по соглашенію правительства, издавшаго въ реакцію, съ палатою господъ — въ 1851 г. Новыя земско-административныя реформы, начатыя положеніемъ объ округахъ (Kreisordnung), принятымъ палатою депутатовъ 25 Марта 1872 г., прошли въ реакціонно-дворянской палатѣ господъ только послѣ назначенія королемъ 25 новыхъ либеральныхъ членовъ. Чтобы дать спеціальному читателю понятіе о прусскомъ земско-административномъ устройствѣ, сравнительно съ нашимъ, а особенно съ замыслами Катковцевъ, мы скажемъ лишь, что въ Пруссіи земско-административныя единицы разныхъ степеней имѣютъ не только выборныя собранія и управы въ родѣ нашихъ земскихъ (Provinzialtag, Provinzialausschuss, — Kreistag, Kreis Ausschuss), но и выбираемыхъ отъ земства членовъ въ совѣтахъ при коронныхъ администраторахъ (Provinzialrath, Bezirksrath, которыхъ замѣняютъ въ округахъ и волостяхъ Kreis Ausschuss и Amtsausschuss, — послѣдній изъ представителей общинъ); кромѣ того начальники администраціи и полиціи въ меньшихъ земскихъ единицахъ, — Landrath въ округѣ и Amtmann въ волости, — назначаются правительствомъ по представленію уѣзднаго земскаго собранія (Kreistag) изъ мѣстныхъ жителей съ известными квалифікаціями. (Подробности см. у Demombynes, Les constitutions Européennes, Parlements, conseils provinciaux et communaux et organisation judiciaire. 2-ed. II, 635 — 677)

Мы остановились подалее на исторіи мѣстнаго самоуправления въ Пруссіи, которую затронула полемика на-

шихъ столичныхъ журналовъ, такъ какъ эта исторія показываетъ наглядно, — 1) что мѣстное самоуправленіе имѣетъ теперь безспорно политическое значеніе, — и 2) что его учрежденія въ новѣйшихъ государствахъ растутъ и крѣпнуть именно во время общегосударственнаго либеральнаго движенія и упрочиваются только съ либеральной реформой центральныхъ государственныхъ учреждений, для которой въ тоже время мѣстное самоуправленіе составляетъ лучшую опору.

Исторія русскихъ мѣстныхъ учреждений учитъ тому же самому. Россія послѣ-севастопольская находилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ была Пруссія послѣ Тильзитскаго мира. И въ ней поэтому началось, и въ обществѣ, и въ болѣе просвѣщенной части правительства, движеніе, вполне аналогичное съ тѣмъ, какое было въ Пруссіи въ эпоху Штейна. Тогда-то, рядомъ съ реформой крестьянской, пошли въ ходъ и планы всесторонняго преобразованія административно-политическаго строя, при чемъ самоуправленіе мѣстное и у насъ считалось первымъ шагомъ для основы самоуправленія государственнаго. (См. выше статью «Земскій либерализмъ въ Россіи»). И замѣчательно, самъ императоръ Александръ II принципиально не отрицалъ необходимости полноты такой реформы, а только сохранилъ за собой право почина въ ней. И въ Россіи политическая реформа сначала остановилась только на опытахъ мѣстнаго самоуправленія.

Совершенно естественно, что бюрократія російская, высшая и низшая, отнеслась враждебно къ этимъ опытамъ, неказни ихъ начала даже въ самомъ Положеніи о земствахъ 1864 г., а потомъ въ его примѣненіи и дальнѣйшемъ развитіи. Это еще болѣе слѣдуетъ сказать о Городскомъ положеніи 1870 г., составленномъ въ болѣе реакціонное время. Бюрократія настолько не совместима съ самоуправленіемъ, что, напр., во Франціи даже послѣ революціи 1789 г. департаментское и общинное самоуправленіе, установленное законами 1789—1791 г., не удержалось передъ силою вѣками выросшаго бюрократическаго элемента и соответственныхъ ему инстинктовъ и идей и начало утверждаться только въ послѣднее время, уже при третей республикѣ. Совершенно естественно также, что рос-

сійскіе монархи, гораздо менше просвѣщенные, чѣмъ, напр., прусскіе, еще болѣе, чѣмъ послѣдніе, поддаются влиянію бюрократіи, враждебной самоуправленію, даже мѣстному. А потому теперь въ Россіи дѣйствительно несогласно мѣстное самоуправленіе съ монархическимъ самодержавіемъ, — такъ какъ это послѣднее теперь немислимо безъ бюрократіи*).

А такъ какъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, общественное благоустройство не возможно при бюрократической администраціи, — то..... выводъ самъ собою ясенъ.

Сущность сказаннаго выше шлоуѣ прилагается и къ другому предмету спора между нашими столичными журналами, а именно — къ независимому суду и суду присяжныхъ. При всемъ ихъ специальномъ назначеніи, конечно, судебныя учрежденія имѣютъ и значеніе политическое и между прочимъ правильно могутъ дѣйствовать только при политической свободѣ. Печать Катковского толка совершенно права, когда доказываетъ несомнѣтельность въ настоящее время „судебныхъ республикъ“ и „народнаго суда“ (присяжныхъ) по уставамъ 1864 г. съ монархическимъ самодержавіемъ, — а „В. Евр.“ на этотъ разъ еще болѣе не правъ, когда ссылается на существованіе довольно независимаго суда въ Пруссіи и суда присяжныхъ въ прусскія ея провинціи и до 1848 г. Самъ же „В. Евр.“ говоритъ, что судъ присяжныхъ въ этихъ провинціяхъ былъ „завѣщанъ французскимъ управленіемъ“, — т. е. былъ данъ идей „народовластія“, говоря языкомъ „Русскаго Вѣстника“, — а вовсе не монархическимъ самодержавіемъ.

Исторія гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ шлоуѣ аналогична съ исторіей мѣстнаго самоуправления. Такого рода судебныя учрежденія и обычаи существовали въ старину во всей Европѣ, какъ остатки древняго, общиннаго и племеннаго, народоправства, но въ монархически-бюрократической періодъ атрофировались повсюду, кро-

*) Московско-славянофильская идея о земско-народномъ царь-самодержціи, безъ «средостѣнія», т. е. чиновниковъ, есть такая же иллюзія, какъ и ея родная сестра. — Бакушинская анархія.

мѣ конституціонной Англійи, откуда идея ихъ, вмѣстѣ съ другими англійскими либеральными идеями, стала переноситься на материкъ Европы въ XVIII в. Законодательство революціонной Франціи внесло эти учрежденія въ новый кодексъ, хотя якобинско-бонапартовскій авторитаризмъ и образъ ихъ примѣненіе, оставивъ бюрократическую судебную процедуру для преступленій политическихъ, печатныхъ и т. п. Въ такомъ видѣ англійскія судебныя учрежденія были введены въ прирейнскія провинціи во время французскаго здѣсь вліянія, — и не вѣрно было бы думать, что стремившееся сохранить самодержавіе прусское правительство времени Реставраціи вполне примирилось съ этими учрежденіями. Нѣтъ, — оно не разъ пыталось ихъ уничтожить въ 1819 — 26 гг., и если этого не сдѣлало, то только благодаря энергичной оппозиціи населенія прирейнскихъ областей. Изъ проявленій этой оппозиціи движеніе 1825 — 26 гг. кажется намъ такъ почетнымъ для русскаго общества, что мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать здѣсь его краткій очеркъ.

Поводомъ къ новому нападенію прусской бюрократіи на прирейнскія судебныя учрежденія послужить исходъ одного, надѣланнаго шуму въ провинціи, процесса по подозрѣнію въ убійствѣ, — при чемъ подсудимый (купецъ Фонкъ въ Кельнѣ) былъ признанъ присяжными виновнымъ (наши реакціонеры быють въ набатъ обыкновенно по поводу оправданій). Король, возбуждаемый юристами старой школы и политическими реакціонерами, отмѣнилъ судебный приговоръ (а не только помиловать осужденнаго) и, по представленію всего министерства, повелѣлъ приостановить дѣйствіе „французскаго“ судопроизводства въ рейнскихъ провинціяхъ впредь до общаго пересмотра свода законовъ государства. Когда этотъ указъ дошелъ до рейнскаго провинціального собранія, то здѣсь только аристократическіе депутаты привѣтствовали его, какъ отъѣздъ «слѣдовъ ностриднаго (чужеземнаго) ига», — но большинство депутатовъ отъ городовъ и крестьянъ напротивъ вступилось за «французскіе» суды. Извѣстные юристы произнесли въ защиту ихъ рѣчи въ собраніи и напечатали брошюры. Шестнадцать городовъ подали адреса или королю, или земскому собранію провинціи, которое, въ

противность уставу, приняло их и обсуждало. Прения собрания по этому поводу проникли и въ печать, также въ противность закону. Собрание постановило просить короля не вводить прусскаго судопроизводства въ провинцію, впредь до его преобразования, и во всякомъ случаѣ сохранить для провинціи присяжныхъ и гласность суда. Король долженъ быть уступителен^{*)}).

Не обошлась безъ нападеній бюрократической реакціи въ Пруссіи и знаменитая, упоминаемая „В. Евр.“, независимость королевскихъ судей отъ администраціи. — такъ какъ въ 1844 г. была учреждена для судей Дисциплинарная палата, которая сильно ограничивала эту независимость.^{**)} Да и въ самомъ дѣлѣ, — по видимому, независимость судьи, назначаемого самодержавною короною, и въ кругу строго опредѣленномъ закономъ, исходящимъ отъ той же короны, судьи, производящаго судъ отъ ея же имени, — не можетъ ничѣмъ нарушить престижа этой короны. Но это такъ только въ абстракціи. Въ дѣйствительности же, въ которой самодержецъ является основнымъ цѣлюй арміей тоже назначенныхъ имъ чиновниковъ, — приговоръ и даже поведеніе во время суда независимаго отъ нихъ судьи рискуетъ ежедневно, особенно при современной сложности жизни, затронуть интересы не только отдельныхъ лицъ изъ чиновниковъ, но и цѣлыхъ вѣдомствъ, и все они возносятся къ самодержцу противъ „судебной республики, невольнительной въ самодержавномъ государствѣ.“

Чего же ждать суду присяжныхъ? Вотъ почему этотъ судъ въ новейшее время всегда тѣсно былъ связанъ съ политическими либеральными учрежденіями, вводился или вытѣснъ съ ними, или какъ ихъ предтеча, и урѣзывался, или совершенно отменялся во время политической реакціи. «В. Евр.» успокаиваетъ наши официальные вершинны, которыя реакціонеры настраиваютъ противъ суда присяжныхъ тѣмъ, что-де въ Германіи его требовали передъ 1848 г. политическіе либералы и что онъ былъ введенъ послѣ и вѣдѣствъ февр. революціи, — успокаиваетъ такъ-же замѣчаніемъ: „У насъ въ Россіи о политическомъ

*) Treitschke. т. III, 382-386. Wirth. т. II, 925-926.

***) Wirth. т. III, 741-742.

характеръ суда присяжныхъ не можетъ быть и рѣчи и потому, что онъ съ самаго начала не былъ распространенъ ни на государственныя преступленія, ни на проступки печати, — а между тѣмъ только изъ-за этихъ дѣлъ и происходила вокругъ него въ Западной Европѣ настоящая политическая борьба, только изъ-за нихъ онъ входилъ въ политическую программу либеральныхъ партій“ (В. Евр. 1889 г., Янв., 410).

Положимъ, не совсѣмъ — только изъ-за нихъ! — Но, если бы и такъ, — то это все-таки не даетъ убѣдительности всей приведенной тирадѣ „В. Евр.“ Присяжные, какъ и гласность суда, есть одна изъ гарантій независимости судебной процедуры и приговора, а, слѣдовательно, истиннаго правосудія, — а потому, разъ она существуетъ для однихъ видовъ преступленій, не логично не быть ей и для другихъ. Общественное сознание всегда будетъ смущаться, если не возмущаться, всякаго рода исключительными судами, и всегда найдутся люди, которые растолкуютъ ему ненормальность того, что разбойникъ судится съ большими гарантіями, чѣмъ сочинитель, а профессиональный жуликъ съ большими, чѣмъ противникъ, часто только теоретической, господствующей формы правленія. Въ Россіи же, гдѣ введеніе „Судебныхъ Уставовъ“ 1864 г. не повело за собою ни уничтоженія III-го отдѣленія съ произвольными арестами, ни административной ссылки, — какъ того всё ждали и какъ на то намекала даже правительственная коммиссія, составившая основы судебной реформы. — эта нелогичность бросается въ глаза еще больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вотъ почему въ Россіи принципы „Судебныхъ Уставовъ 1864 г.“ получили болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не только политическій, но прямо агитаціонный характеръ.*) Совершенно естественно, что вмѣсто того, чтобы расширить вѣдомство суда присяжныхъ, напр., хотъ бы

*) Напоминаю, что подсудимые проц сса 19), поставленные въ 1878 г. (изъ числа болѣе 1000 человекъ, незаконно арестованныхъ въ 1874 г.) передъ судомъ исключительнаго трибунала, установленнаго въ 1872 г. въ отмяну даже первоначальной редакціи закона 20 Ноября 1864 г., — заявили, что не признаютъ такого суда, а требуютъ «суда общества, суда присяжныхъ.» И замѣчательно, что это требованіе было первымъ проявленіемъ поворота русскаго социалствова 70-хъ годъ въ къ политическому вопросу.

передачей ему процессовъ по дѣламъ печати, какъ это недавно случилось, хоть отчасти, даже въ современной Австріи. — русское правительство вскорѣ по изданіи Уставовъ 20 Ноября 1864 г. начало подрывать даже независимость и гласность новоучрежденныхъ коронныхъ судовъ не только въ области дѣлъ прямо политическихъ, но и обыкновенныхъ. Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь все эти подкопы и искаженія, которые, конечно, будутъ идти прогрессивно до тѣхъ поръ, пока или не произойдетъ политическая реформа самого высшаго управления Россіи, или пока новые суды не будутъ превращены въ старые, Николаевскіе. А такъ какъ правосудіе и суды Гоголевскихъ и Щедринскихъ судей и председателей палатъ двѣ вещи несовмѣстимыя, — то..... сдѣлать выводъ опять не трудно....

Вотъ въ какомъ видѣ представляется, по нашему мнѣнію, предметъ спора между нашими реакціонными органами и петербургскимъ прогрессивнымъ (или теперь скорѣе консервативнымъ) журналомъ, если изобразить этотъ предметъ способомъ, употребляемымъ не для дѣтей, простыхъ или царственныхъ, а для взрослыхъ. Не пускаясь въ обсужденіе ни достоинства, ни пользы занятія публицистовъ дѣтскими картинками, — мы скажемъ только, что надо же кому-нибудь заняться публицистикой и для совершеннѣйшихъ. Настоящая литература вѣдь существуетъ для взрослыхъ и должна разъяснять, а не затемнять, хотя бы и съ благими намѣреніями, общественные вопросы, — разъяснять и обществу, и государственнымъ людямъ, и самой династіи. Пусть все знаютъ, куда ведутъ Россію и дорога реформъ, на которую страна эта должна была ступить послѣ севастопольскаго погрома, — и дорога реакціи. Пусть каждый выбираетъ одну изъ этихъ дорогъ вполнѣ сознательно.....

21 Января 1889 г.

Женева.

